

СМЕНА

4

1951

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПЕТР КОРОБЕЙНИКОВ

ЭЛЕКТРОПИЛЬЩИК

Извилистая дорога ведёт по мелким зарослям. Здесь ещё несколько лет назад простиралась Удмуртская тайга. Теперь её нет. Большое пространство, слово, обождено от леса. А за полем плотной стены встаёт бор — стройный и величественный. Ветви деревьев посеребрили иней. Шум хвоя напоминает огромный пчелиный улей. Но только войдёшь в лес, слышишь и другие звуки: равномерный гул моторов первоэлектрической электростанции, журчание водопроводного трактора, стук топоров. Отсюда начинается участок молодёжной бригады Петра Коробейникова.

На многие километры раскинулся лесной массив: просека ведёт в глубь леса. В начале зимы сюда прибыли лесорубы, шофёры, вожчики, механики, и тайга стала походить на просторный заводской цех — с моторами, кранами, паровозами, вагонетками.

Когда вскоре послал Великий Отечественной войны Пётр пришёл на участок леспромхоза, в бригадах лесорубов работало по 5—7 человек. Валку же леса привозил один пильщик, оставляемый часто простынивали. Простынивал и бригадир-электропильщик Коробейников в окружении очистки и подставки лесосек. Молодой электропи-

льщик предложил новый поточный метод. По новому методу валка леса производилась беспрерывно. Свою бригаду Пётр Коробейников разделил на несколько звенёй и присоединил к определённым делникам. В каждом звене электропильщик заменил пильщик исключительно на валкой, а оставшиеся рабочие обрубкой валка, подготовкой рабочего места, передачей делников, переноской кабеля передвижной электростанции и даже помогали трактористам в подвозке сваленного леса на эстакаду склада.

Когда на одной линии начинается валка леса, электропильщику помогает один звенёно, на другой делнике идёт обрубка сучьев, подготовка бревен к подъёму на склад для раздлеки, в третьей же делнике идёт подготовка к валке.

Метод Коробейникова полностью себя оправдал. От искалеченных членов бригады, позволяет равномерно загружать передвижные электростанции, лебедки, трёхвёршинные тракторы, автомашины, так как при этом поточном методе все электропильщики работают непрерывно.

За короткое время существование метода в бригаде работы в области лесодобывающей промышленности Пётр Коробейников в 1950 году достоинство Стальниковой премии.

...Петр Максимович мы встретились на делнике. В кепке и ватнике, с полевой сумкой через плечо, он сидел на пенеке в окружении членов своей бригады. Был обеденный перерыв, и бригадир рассказывал об итогах вчерашнего дня.

— Работа электропильщика — своего рода искусство, — говорил он. — Всё мы вчера были новичками: не убрали сучья во-время, а при заготовке это сказалось. Выходит, что рабочее место не подходит аучице.

Гриша Караганов повернулся к бригадиру:

— Ты правильно сказал. Но вчера у нас было занятие: не убрали сучья во-время, а при заготовке это сказалось. Выходит, что рабочее место не подходит аучице.

«Рабочее место» — думает бригадир. — Прав Гриша Караганов, надо иметь в бригаде ещё нескользко подобных рабочих для уборки валежника, срубки и поросли. Дело пошло бы быстрее. Новая электропилька надо дать простор в работе».

Эта мысль понравилась мастеру. Предложение электропильщиков в этот же день было предметом обсуждения на совещании руководителей лесопункта. Решили пополнить бригаду ещё двумя рабочими.

...Со станицы Областная на все края нашёл Родины уходят составы, гуженные дрезинами. Тут и рудничный крепёж для угольщиков Караганды, тут и строительный лес для гигантских гидросооружений — великих строек коммунизма, — ту и спальных зданий для прокладки новых магистралей.

Петру Коробейникову и его товарищам приятно сознавать, что во всём этом есть частица их труда.

Л. МАЛИНОВ

Тбилисский институт инженеров железнодорожного транспорта. На снимке: доктор технических наук профессор М. А. Мостков демонстрирует студентам действующую модель плотины.

Фото Е. Халдая и Я. Халипа

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Февраль. № 4. 1951 год.

Год
издания
28-й

Он всей душой

Кипит металл в могучих домнах,
В стенах встает массив лесной.
К спирчанию замыслов огромных
Идёт советский край родной.

В пустыни направляет воду
Потоком жизни волны труд.
Он вековечной природу
Преображает там и тут.

Бушует молодость и сила
В стране, цветущей, словно сад.
Спокойно у её кормила
Мок избранныки стоят.

Я славлю тех, кто в эти годы,
Исполнен Родине наказ,
Служи величому народу,
И мне, и каждому из нас.

В моей семье, в кругу счастливов
Они — почётная родина.
Их подвиг был всегда призывом
И вдохновением для меня.

И пусть простое это слово
Звучит наградой их делам...
От всей души свой голос снова
Примерным сталинцам отдали!

Я знаю: первым будет избран
На радость всех республик тот,
Кто к светлым высшем коммунизма
Дорогой верной нас ведёт.

ЭТО БЫЛО ПОД КАСТОРНОЙ

ПЕРВАЯ КОННАЯ...

Разгром деникинцев под Касторной был полным. В невероятной панике, не задерживаясь, как с горы на салазках, уцелевшие от клинков будённовцев бегали прочь от Касторной.

Будённовцы не успевали собирать орудия и военное имущество. Не знали, куда девать толпы пленных.

В Старом Осколе отдельные части офицеров попробовали остановиться, жарко схватились с будённовцами, но были сбиты одним яростным ударом.

Великолепным щечальным выбросом Будённый противника и из Нового Оскола в селе Воронеже Михайловка Будённый остановил победный разбег своего корпуса.

Был замечательный морозный день 1 декабря девятнадцатого года. Колпинский корпус притащился к смотру. Снег искарился голубым серебром, посыпалась под колыбели коней.

Кони грызли музыдлыки, роняя на снег белую пему. На пахах будённовцев засели красные ленты. Простреленные в боях знамёна шатались на ветру.

Перед корпусом был прочитан приказ Реввоенсовета Южного фронта, подписаный Сталиным. На будённовцев возлагались важные исторические обязанности. Для полного разгрома Деникина Красной Армии необходимы были мощные массы конницы. Конный корпус перезимовался в Первой Конной армии. Командующий назначался Будённый. Членами Реввоенсовета — Ворошилов и Шаденко.

Тонко и волнистые прошептал кавалерийские трубы марш-марш. На солнце вспыхивали темные клинки — крылья и прямых, лёгких и тяжёлых, своих и отважных в бою у офицеров. Сдержанные кони, корупы тронулись, подняв скрежещущие сапоги. Сталин стоил на крестильном снопе в серой шинели, в меховой шапке. Будённовцы прополоскали вихрем мимо, поднимали клинки, сладкая создатель Первой Конной армии. Морозный воздух теплая от неожиданности крикнул эскадронов.

Рядом со Сталиным встречали конников Ворошилов и Будённый. Не скрывая своей гордости, Будённый называл Ворошилову эскадроны, имена их командиров и бойцов. Будённому очень хотелось, чтоб Ворошилов похвалил его птичек.

— Семёй Михайлович, — мягко сказал Ворошилов, — не умею я знакомиться на парадах, в деле видней будет. Гордиться будем, когда Ростов взъём, согласен?

Вечером начдив Городовиков собрал бойцов и рассказал о Ворошилове.

— Есть вопросы, товариши бойцы? — окончив беседу, спросил Городовиков.

Отставили не скоро. Долго курили и молчали.

— Товариши Городовиков, гуттуют тут ребята, что товариши Ленин доверяет товарищу Ворошилову с закрытыми глазами? — спросил впереди всех стоящий будённовец в драпом полуушубке, но богато вооружённый.

— То право, — отвечал Городовиков.

Встречали Сталиным. Сталин погляделся Ворошилов с девяносто шестого года, и это правда?

Правда и это.

— В таком случае нет больше вопросов.

— Так нет вопросов, — переспросил Городовиков.

— А вот есть же! — раздалось из задних рядов, и все отгнулись на громадного будённовца.

Но он уже спрятался за товарищей.

— Договоряйся, Грицко! — крали ему. — Что же ты, товариши, и звонить не умеешь и перестать не смеши?!

Откуда явился в корпус Грицко, никто не знал. Да и не спрашивали об этом будённовцы.

Хороший товарищ, да если не трус, и славно рубиши кадета, и жалость у тебя к врагу умерла... — оставайся в корпусе. В бою коня и оружие добудешь — будённовец будешь.

Дело не находил Грицко по своей руке клинок. Обыкновенная шинка лежала в его руке как транквилизатор.

Однажды в помещичьей усадьбе генеральском кабинете сидел Грицко со стене чеканкой работы рыцарский меч. Он был прямой и тяжёлый, и никто не мог поднять его на вытянутой руке.

В походе приторачивал Грицко меч верёвкой к седлу. К боку отвязывал, подымал двумя руками и опускал на обречённую

Отрывок из повести «Луганцы».

Рисунок Л. Хайлова

Взятие станции Касторной.

С картины М. Авицова

казанную голову. И люди потом страшались взглянуть на убитого.

Вытащили будённовцы Грицко вперёд. Он почтительно снял мокнатую шапку и тряхнул головой.

— А не будете в претензии, товарищи бойцы?

— Не будем, спрашивай!

— Спроси. Товарищ Городовиков, а умеет ли товарищ Ворошилов на коне сидеть и как он... с клинком, ежели дело касается до рукоющих?

И замочил Грицко, ожидая насмешек и шуток товарищей. Но никто не засмеялся и не пошутя.

— А что? Складно спросил Грицко! По существу вопроса, — сказал хмурый будённовец, поправляя клинок на богато украшенном пояске.

Остальные молчали, смущённые и взванованные. Смутился и Городовиков. Он и сам не знал, хорошо ли сидят Ворошилов на седле, или, скажем, как то любят будённовцы.

— Был товарищ Ворошилов простой слесарь, — сказал наконец Городовиков, поднимая голову. — Ленин приказал: «Веди полки Ворошилов!» Побежали полки Ворошилов! побежали от него генералы. Неужели не научится товарищ Ворошилов на коне сидеть среди нас, будённовцев?

— Так-то оно так, — перемялись с ноги на ногу бойцы, — но все же не умеет. Когда учиться? Учиться никогда. Сегодня бой, а завтра рубка.

Расходясь, каждый решил про себя: «Так что ж на параде? На параде и знакомство парадное! Вот покорнутся деникинцы к нам лицом, будет дело, поглядим Клима!»

Долго ждать не пришлось. На подступах к Донбассу, а потом и к Ростову закипели кровопролитные бои.

На первых порах за Ворошиловым следили тысячи придирчивых глаз будённовцев, великолепных ценителей конной атаки, меткого удара клинком.

— Так же, товарищи, сидят на коне Ворошилов?

Видите: сидят превольно, дерхются на седле, как прыгунный. Да что там! Сидят, как сидят!

— А ну, по колышется на коне Ворошилов офицерский пугач?

Нет, не колышется и другим не веант. Да так страшно посмотрят на этого труса, таким колючим словом ожёт его, что чёртом завернёт коня будённовца, на миг допустившим в сердце страх перед блэком смертю. И бросится в бой победой или жизнью своей испытать вину.

Где горячий клинок бой, там и Ворошилов. Где Ворошилов, там и бой горячий. Вот разорвалась снаряд. Как скосило с седла Ворошилова. Закричал Грицко, бросился в жёлтый дым от снаряда.

— Хоть раненого вынесут!

Цел и невредим стоял Ворошилов над убитым конём. Панаху склонил, вздрагивает, рука не хочет отпустить ненужный теперь пистолет.

Ой, как близко вскому будённовцу горечь потери четвероцентного друга! С конём родился он, как с алебастровым братом: сам гоцдиной — коня накормит, сам на холмце — коня прикроет.

Соскочил Грицко с коня, протянув повод своего коня Ворошилову. Потом долго глядел, как вёл Ворошилов будённовцев и как бежали от них белогвардейцы.

РАЗНИЦА

Вечером, после победного боя, у костра слушали будённовцы рассказ Ворошилова о том, что происходит в Советской России и как идут дела за рубежом: тут же, в степи, гордостью следят за Красной Армией не только русские добродушные, но и китайский кули, и индуисты, и где-то там, за всеми морями и океанами, негр учится сказать: по-русски «Красная Армия».

Ворошилов рассказал, что такое коммунистическая партия большевиков. Попросил поднять руку тех, кто коммунист. Очень быстро и с охотой руки подняли все.

— Спасибо, — сказал Ворошилов. — А теперь пусть подумают руки те, кто состоит членом партии большевиков. Партийные. Подняли руки члены партии. Из нетрудно было сосчитать.

— Мало! — задумчиво сказал Ворошилов. — Хорошо, да мало! Подбросьте в костёр. Относившие искры фонтаном поднялись к чёриковым лебям. Всё сгорело.

— Какая же разница, товарищи Ворошилов? Он был контужен в бою и теперь, блести сухими глазами, забко кутался в бурку. — Какая же тут разница, товарищи Ворошилов?

Прискалькал ординарец и, не сходя с коня, доложил:

— Приказано передать товарищу Ворошилову: командир четвёртого эскадрона шестой дивизии товарищ Николай Коробов от раны умер!

Заслонил рукой лицо от жара костра, Ворошилов в один блеск исчез из величественного похода мятого, смущённого Николая Коробова с синеватыми руках. Ординарец учился обратно. Будённовцы вошмогли с её вслед, прислушиваясь к заикающемуся перебору конь, потом взглянули на посурсовавшее, бронзовое от огня лицо Алоизия Ворошилова.

— Преданный и храбрый был командир и большевик Николай Коробов, — сказал Ворошилов и снял панаху.

Посиняли и будённовцы свои шапки, добрым словом вспомнили Коробова, неудержимо храброго командира-коммуниста... Вместе с Ворошиловым привёл Коробов к будённовцам. Сегодня под бешеным огнём деникинцев врезался он впереди своего

эскадрона в самую гущу офицерского батальона, сам зарубил пулёмётчиков. Только было поднял клинок и крикнул: «Раздавим гадов! За мой, сыны революции!», — как недобитый офицер, притворившийся мертвым, выстрелил в спину Коробову и смертельно ранен его.

— Позади нас должны были быть! — сказал Ворошилов, надевая папаху. Из задних рядов крикнуло:

— А мы сами, партийный, товарищ Ворошилов?

— Я член большевистской партии с тысяча девятсот третьего года.

— Просим повторить... Не слыхать, с какого.

— С девяносто третьего года.

Отозвались удивлённо и весело:

— Понятно теперь!

Все засмеялись, и Ворошилов тоже. Он был ярко освещён костром и виден всем.

— А теперь у меня к вам вопрос, товарищи бойцы! Кончим победой войну с генералами-то куда?

Пожошло стало, что разделялась команда: «Становись!» Так всё оживилось. Кто сидел на земле, тот поднялся.

— И да же, как не по дому, товарищ Ворошилов? Прямыми сообщениями.

По ходам, Климент Ефремыч! Долже скосковались по работе!

— Клинок в уголок, зажки в руки!

— Приезжай тогда к нам на фабрику, в Орехово-Зуево, в гости, товарищ Ворошилов!

Шумели все, не в силах остановиться: вопрос разбередил самое затяжное.

— На спокойную работу вернёмыся, за это и боремся! — покрыл все крики чётко добродушный раскатистый бас.

Правильно, — поднял руку Ворошилов, и всё затихло. — Правильно, за это и боремся. Но подумайте-ка, товарищи: спокойную работу наша кто-то должен будет охранять? Кому-то нальёт будет поставить клинок в уголок, чтобы ржало там боеvoе оружие!

Бородатые, сторожевыми молчали.

— Так верно же Ах ты, мать честная! — вырвалось у бойца в драмоне полубужке.

Ворошилов поймал будённовца из словес:

— А ну, выходит-ка на свет, товарищ!

От неожиданности боек крикнул, но скоро оправился и вышел.

Встал перед Ворошиловом и товарищами, вытянув руки по швам и жмузылся от жара костра.

— Вы член партии?

— Угадали, товарищ Ворошилов, — смущённо ответил боек, покинувший на товарищей.

— Фамилия?

— Клюев Николай, пулёмётчик второго дивизиона, четвёртой

дивизии, — начал Громко.

— Даю и с товарищем Будённым?

— После Царинска. Как ушёл в окопы с рабочим отрядом, увидел конников, очень уж на коня захотелось. Попросил взять с собой. Аично товарищ Будённый разрешил. На коня не попал, а к пушкам...

— Были ранены?

— Три раза. Ещё тогда, под Царинском, когда Вороновопо от казаков отсталим, казачок мне по пачку шашкой. Под Воронежем мастью осколком по голове шкварянуло. Да под той же Кастроной контузило... В груди тесно, а в голове как будто вода шумит. Да ничего, товарищ Ворошилов, кто теперь не раненый!

— Семья есть?

— Две ребяташек, жена. Второй год не видались...

— Хочется детей к родным, на завод, к товарищам?

— Кому же не хочется?

— Да, конечно, должна...

— Как в окопы тогда пошли, так всем отрядом и записались.

— Товарищи бойцы, — обратился Ворошилов к будённовцам, — довольны вы пулёмётчиком Николаем Клюевым?

— Николаем-то? Мы-то довольны, а вот белых офицеров бы спросят!

Городовиков канализу в Кулахи.

— Разрешите, товарищ Клюев. Под Кастрою противник прорвал нашу передовую путь. Мы мало-мало отступили. Офицеры — к Клюеву, окружили, хотят оттеснить пулёмёт к себе. Товарищ Клюев хочет пулёмёт оттеснить к себе. Оттуда они воятись. Клюев видет, где совсем плохо. Он тогда хватает пустые пулёмётные ленты и давай ими лупить белогвардейских вояк. Ленты, как змеи, выются, кони их пугаются, не идут на Клюева. Тут мы подоспели. Дали товарищ Клюеву новую ленту. Он ей пулёмёт. Офицеры не вернулись в Кастрою, товарищ Ворошилов.

Городовиков кончили. Клюев стоял, глядя на землю.

— Товарищ пулёмётчик — Клюев? — еще раз спросил Ворошилов.

— Ничего! Может?

— А уничтожено не мало нам! — дружно прозвучало в ответ.

— Так слушайте меня, товарищ Клюев, хорошенько слушайте, — сказал Ворошилов. — Вот вы изранены, устали от войны! Хотите вам и поработать с товарищами на заводе, да и домой тянет. Так ведь?

— Точно так, — ответил Клюев. — Хоть сейчас бы...

— Темпери представьте себе: вот что, — продолжал Ворошилов. — Кончилась война, как и должна она кончиться, нашей победой. Героев ждут дома. Для этого нужно, чтобы в городе был общий праздник. И для этого, товарищ Клюев, склони свои вещи, автор у вас в кармане на поезд — и домой! Но тут вас вызывают в партийный комитет и говорят: «Номой не поспеши: Красной Армии нужны хорошие командиры. Получайте в камандование пулёмётный взвод, примирайтесь учить молодёжь боевому делу». Что вы отвечаете партийному комитету, товарищ Клюев? Как вы поступите?

Потрескавшийся костёр. Огонь освещал взъерошенные лица бойцов, играл на их оружии. Пальмы Клюева дрогнули. Он поднял голову, посмотрел на товарищ, и те ответили ему немым вопросом. Тогда Клюев поднял руку к паху:

— Приказу партии подчиняюсь.

Из задних рядов выкрикнули:

— Николай, сбрасывай на жизнь запомни!

Не иначе, — говорил Клюев ответом.

Правду говорят, вот перед товарищем Ворошиловым. Пусть он запомнит. Подчиняясь до последнего вздоха.

— Я запомнил, — сказал Ворошилов. — Я товарищу Клюеву верю, как самому себе. И я за них повторяю: приказу партии подчиняюсь до последнего вздоха. Мы останемся там, где нам прикажет партия. А вот беспартийный товарищ может не оставаться, и он имеет на это право. Так вот же в чём разница, друзья, между большевиками и беспартийными. Всем ли понятно?

— Понятно! Очень даже просто! — раздались отважью. — Ну и как же теперь?

— А вот я скажу. Каждый контуженный будённовец, словно ему вдруг стало жарко. Но зевать надо... Куда партечные, что и мы тут. А то еще которого и обгоним! Так ли?

— Так, так! — дружным смехом подхватили будённовцы.

— Вот это так! — сказал Ворошилов.

РОСТОВ

Ростов не ждал будённовцев. Офицеры весело и пьяно спрашивали первый день праздника рожденства. Пулемётчики выходили из дома, от ростовских кухонь, готовились к атаке, появляясь будёнными.

Потом, конечно, готовились к атаке, появляясь будёнными.

Это что тем, товарищ бойцы? — крикнула она, указывая клином на заводские трубы и шпили коломаков, и сам ответила: — Это белый Ростов! Скажи вам слово. Товарищ Сталин обещал Ленину, товарищ Ворошилов обещал Сталину, а я, товарищ Ворошилов, — обещала, что белый Ростов сегодня будет красивым.

— Даёшь Ростов! — потрясли клинками дивизии.

— Так на Ростов же! — приказал Будённый.

ПОРТРЕТ Комсомольца

Вихрастый, весёлый, задорный,
Простой парень-бригадир
Со свежей газетной страницы
Глядит, улыбаясь, на мир.
Газета летит в самолёте,
Газету возят поезда,
Его весёлосмешная слава
Восходит, как в небе звезда!
Он будет всегда улыбаться —
В столице, в сибирской тайге,

На гроздных линкорах Балтийска,
В далёком краю Удэгье,
В смоленском колхозе «Свобода»,
Где речка спокойная Гжать...
Улыбку его расцелуют
В газете родимой мать.
Промолвят отец горделиво,
Дядя неразлучной маэстро:
«Посмотришь, безусый мальчишка,
А в общем, выходит, герой».

И та, что невестою в шутку
Звалась и в четырнадцать лет,
Вздохнёт, улыбнётся украдкой,
Взглянув на знакомый портрет.
Склонясь над столичной газетой,
Задумчиво сидят за стол,
И времяется в сердце три слова:
«Его воспитал комсомол»...

Дмитрий ДВОРЦЕЦКИЙ
г. Смоленск.

4 июня. Содин стоит прямо над головой. Под его пальмиными луками никнет трава. Лето. Наконец после холода, с заморозками мая, после дождливых дней стало жарко по-настоящему, по-иоански.

Любя Хопёрская предложила каждому выходит в день юльи за город. Всё в Поморье только интересные места! Тут же договорились, что под вечер пойдём в сосновые рощи, расположенные в Сокольниках за переселком.

После обеда действительно сошлись первая «вылазка». Из клуба к нам забыл гармонист Коля Прокудин. Собрались всего человек пятнадцать. Дорогой штурман, смелись. В лесочке пели, играли в волейбол, танцевали.

Да чего ж я здесь хорошо! Дышится легко и свободно. Сюда, к горам, звонки трамваев, автомобильные гудки слышишь долетают. Где-то внизу глухой шум улицы. Но дело не в этом. Главное, мис все вместе, а потому нам и весело.

6 июня. Ну и дела! В обеденный перерыв подходит ко мне один парень — знала я его только с виду по общезаводскому комсомольскому собранию, — и подаёт конверт. На нём предсеребряное слово: «Современник». Рукопись. Внутри записка: «К 23 часам явиться к метро «Сталинская», имея при себе запас продуктов на сутки, лёгкое одеяло, вещевую мешок. Одежда походная».

Я видела, как такие же конверты вручали и другим нашим девочкам. Справившись: «Получили?» Но он делает вид, что ничего не знает. Ясно: ведь написано «Сердечно».

Взволнованная, прихожу в общежитие. Смотрю: Тамара Коростылевна и Валя Бриенса куда-то собираются. Стало спрашивать. Ответили что-то неопределённое: «В одиночку». Я тоже привилась из сбоя. Скорей бы 23 часа!

7 июня. Только что ввалились домой. Устали так, что еле притянулись. Но зато как интересно! Эти сутки запомнится надолго, очень надолго.

«Наконец-то дождь, и было совсем тепло», — говорила когда-то вестигионы метро. Смысла: здесь узко много заводских. Только из нашей группы 7 человек. Кроме Вали и Тамары, Юргинской, Ломакина, Палагина, Виноградова. Тут же и Саша Сенервина, инструктор по спорту. Каждый подходит к нему и спрашивает, затем нас вызывают, что будем делать. Саша продолжала хранить тайну.

В полной неизвестности сели в поезд метро. От станции «Сокольники» поехали автобусом до города Красногорска. Только тут Сенервина спросила: «Участники туристического похода, стройся по званиям!»

Мы быстро построились и цепочкой, друг за другом, почти в полной темноте (была уже глубокая ночь) зашагали притихшей улицы. Кто-то впереди высоко и задорно залепил:

Комсомольцы — беспоноющие сердца...

Все восемнадцать с лишним головами подхватили песню.

Дождь перестал, небо рассвело. На душе стало как-то радостно и легко. Мы шли по мосту через озеро, скворчали в деревнях, подымались на горки и осторожно по шатким бревнам пересекали ручьи. Возможно, что вот так же приходилось совершать походы на-

Комсомольская группа — дружная семья. Вместе круг комсомольцы на работу. Слева направо: Саша Ионова, Валя Юргинская, Любя Хопёрская, Тамара Коростылевна, Раф Приходько, Валя Журавлева и Наташа Фирюнина.

Фото А. Узлянина

Раиса ПОРЯДКОВА,

группоменорг 7-го конвейера завода «Красный багетмэр».

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

Наташа Фирюнина и Любя Хопёрская — частые гости в детском доме № 25 Коломенского района.

шим партизанам в годы Отечественной войны.

На одном из таких переходов кто-то поскользнулся и слетел вниз в болотистую побережью водоём. Сколько тут было смеху! Падать было невозможно, и потерпевшая «аварию» наша Тамара Виноградова даже не ушиблась. Зато это происшествие всех развеселило. На помощь «куполоватой» бурзюю бросилось сразу несколько членов.

В первом же лесочке устроили привал. Наша звёздочка Тамара Коростылевна предложила сложить всю провизию в общий котёл. У него колбаса, у кого сахар, у кого варёный картофель. В общем ужин получился на славу.

До рассвета мы преодолели ещё несколько естественных препятствий, но к утру не опустились в густом лесу.

Из-за ноктных елек мы увидели здание костёра. Я только что хотела спросить у Сенервина, кто там, как он отдал приказ: «Сядись! Ты только услышал выстрел — беги на огонь!» Но я не утерпела: очень хотелось посмотреть, что там такое, и вынырнула из-за деревьев, совсем забыв, что на голове у меня белая косынка. «Райки!» — зловеще прошептал кто-то

из девчат. Но было уже поздно: нас заметили.

Тут прогрохотал выстрел, и мы ринулись вином. Со всех сторон на огни костра бежали участники похода. А здесь уже всё было приготовлено к нашему появлению. Гости-примечательные были в форме. Уютно пропахшие бодрящими травами. Уютно пахли на огне сушки, и в коляках булькала кипящая вода.

Гурьбой побежали к реке, умылись, закусили.

В 8 часов утра подъехал звездик. Потом лёгкий завтрак. Бродили по окрестностям. Потом играли в волейбол, устроили эстафету, даже прослушали лекцию. Деньё выдался чудесным: зноный, без единого облачка на небе. Мы порадовались «богородицей». На обратном пути с удовольствием катились на лодках и купались в Красногорском озере.

10 июня. Почти всей группой смолкли цветущую картину «Шат Джурага». Фильм понравился всем, но каждого по-разному. Наташу Фирюнину привезли в восторг красивые виды, величественные и суровые горы Кавказа. Она то и дело толкала меня в бок и шептала: «Смотри, какой пейзаж!» или «Ну, что за перлы!» На Хопёрскую произвели наибольшее впе-

чатление татчи. Катя Степанова на обратном пути напевала только что слышанные мелодии.

Правильнее же всех выразила общее мнение Валя Бриенса. Она сказала: «Мой мечтой было побывать в Грузии, а теперь ей больше хочется поехать на родину товарища Сталина».

Последние новости. В наше смену вернулась Шура Тюрикова. На конвейер она пришла вместе со всеми, но отставала в работе. Получалась «заявка» и брак. Потом она добровольно стала совсем. Перенесла её на другой конвейер, поставили на операцию, поменяли складчук на ёрбий стеклянка. Но в там дела у неё были неважные. Недавно обследовали место у нас.

Я сказала девчачкам: «Давайте вернём к себе Шуру, поможем ей дочнать нас». И теперь Шура опять с нами.

23 июня. Кончились июнь, и вся смена пойдёт в отпуск. Несмотря на вентиляцию, в чекре жарко; девчата нажимают вовсю, они ни за что не хотят уступить первенство смене Ушаковой. Пять месяцев не устаем, а теперь тем более нельзя: отпуск должен быть заслуженным.

26 июня. Тамара Коростылевна, Наташа Фирюнина и я ходили в кино. С нами были ещё Валя Фионова и Саша Ионова. Они не комсомолки. За последние времена мы стали к ним как-то ближе. Привлекают с собой на прогулки, в походы, читаю ими вышивки. Но ведь этого мало. Их мало-умно занималось по-настоящему.

С трудом достали билеты на «Заговор обречённых». Эта картина идёт в Москве сегодня в первый раз.

28 июня. Сегодня подвели месячные итоги. Результаты замечательные. Первенство за нами. Допускается по норме выпускать катушку второго и третьего сортов не более 17 процентов. У нас только 12,1. Девчата переживают из-за этой одной десятой. Ведь за неё кроются сотни пар колгот. Валя Юргинская, бригадир по качеству, даже чуть не поссорилась с Жаней Савеловой. Женя никогда не поспевает за другими, получается «заявка». Неважно у неё в качестве.

29 июня. Король... Пот же унес сколько дней, как не выходит из головы мысли о том, что чёрный дым вновь снова застыл на небе. Сегодня пока гужка комсомольцы, не тяжёлые, устроились в красном уголке. Все обступились заместитель секретаря комсомольской организации Ири Гавриловна. Она подгрела нас к географической карте и подробно рассказывала об американских интэрвьютах и клике Ли Сын Мин.

30 июня. Вечером был митинг, на котором мы подписывали Столгольмское Воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия.

С завтрашнего дня наш конвейер в отпуске. Анна Петровна, мастер нашего конвейера и первая наставница на заводе после школы ФЗО, получила путёвку в дом отдыха. Мы развлекаемся по домам, на ролике Тамбовской. Только москвичи ссыпались здесь.

В этом месяце мы нечто-то отдали.

Была экскурсия в Химки. Ней, правда, я не участвовала. Девчата говорили, что они ознакомились с устройством корабля, катились на шлюпках, загорали на пляже. Кроме того мы ездили в Царицыно и на Медведеево озеро.

Читала в июне мало: почти каждый погожий вечер ходили на прогулки. Возмущены побольше книг в деревне. Собирались перечитать всего Тургенева. Уж очень хороши природы! Вот, например, в «Эсприках охотника». Читали — и будто видели лес, заросли камыша, доброго Калинича...

3 и 4 июля. Уезжаем. Всё это свободное время бегали по магазинам, готовили гостиные родным. Каждый вечер что-нибудь: Тамара Коростышёва — полотно двадцатилетней сестре на платье, а коньку матеря, чужака — ремень на кобуру. Саша Ионова — сладки мальшами, сестрёме и брату, и всем по большому подиуму.

В комнате нашей опустошлой. Тамара ешила уехала. Стало даже грустно немножко. На окнах сиротливо зеленели герань. Захотят ведь без нас. А Тамара так любит цветы! Пойду отнесу соседям — пусть досмотрят.

Кажется, теперь всё. До свидания, Москва!

1 августа. Снова все вместе. Девочки посыпали, загорели, поправились. А смугленькая Наташа Фирюлина совсем стала чёрной и ещё больше похожей на татаромку. Она привезла целую серию сельских видов.

В нашей комсомольской семье, как мы называем свою группу, произошли некоторые изменения. Шура Тюркина вышла замуж. В мае она была ей свадьба. Жалко, что без нас. Ещё муж — телевизор, работает под Москвой на каком-то большом заводе.

Валентина подала заявление в комсомол. Она прилежная работница, отзывчивый и чуткий товарищ. Мне кажется, что она найдёт место в нашей семье. Дала ей устав и программу ВЛКСМ. Пусть готовится.

2 августа. Первый день в пеше после отпуска. Девчата скосились на работе, берутся горячо, но отпуск даёт о себе знать: руки плохо слушаются, нет прежней спортивности.

Я сижу в самом конце конвейера, на заключительной операции — контролирую и подправляю заготовки. Едва ли не сутки.

Об особенно отсталая Шура Тюркина и Женя Савеловой. Боясь, что бы бывшие неженки. Надо побороть на группе. Уже на нашем конвейере каждая третья работница — комсомолка. Если мы покажем пример, — подтянутся все остальные.

7 августа. В цехах и на заводском дворе висят большие красные лозунги. На них написано: «Руки прочь от Корей!», «Привет передовикам вахты мира!» Это означает, что мы, резинщики, как и все советские люди, стоим на вахте мира.

А как же обстоят дела на нашем конвейере?

На днях было производственное совещание смены. Потом собрались группы. Кто-то говорил, что бессовестно работать, а временным весям в порту и выпаривка будет высокой. Тамара выступила резко: «Разве можно успокаивать, бедаствовать и ждать чего-то плохого руки в эти дни, дни вахты мира?»

Договорились с начальником смены, что Шура Тюркина перейдёт на другое место — рядом с Тамарой Коростышёвой. Тамара — обрившая затяжичка. Она поможет и Шуре. К Жене Савеловой при-

крепили Аню Долгову. После смены они останутся в цехе и подолгу весятся с затяжичками.

Скоро заводская спартакиада. Руководством с Северьяновым. Говорят, чтобы девчата быстрее вошли в прежнюю норму, им необходимо восстановить «спортивную форму». Это отчсти верно.

9 августа. Валя Брениёва, наша бригадир по качеству, готовится в партию. Это — большое событие в нашей группе, пожалуй, самое значительное за время её существования. Ведь она первой среди нас решается на такой важный в жизни шаг.

Валю я знаю давно — лет шесть. Мы вместе с ней окончили школу ФЗО.

Валю всегда отличала серьёзность и настойчивость. Она никогда не бросает слова на ветер, не оставляет начатого дела, как оно мало или велико ни было. Валю — староста политрукажа. Наш кружок по успеваемости занял в прошедшем учебном году первое по заводу место. В этом, конечно, заслуга и Вали. Вообщем у неё всегда как-то скорится дело. Вот к примеру, поручили подготовку к упомянутому ДОСАВ. И что же? В нашей смене не было ни одного члена ДОСАВ, теперь их восемнадцать четыре. Пятьдесят девушки записались в парашютный кружок.

11 августа. Состоялось общезаводское профсоюзное собрание. Были заслушаны отчёты членов старого клубного совета и выборы нового.

Мы выдвинули в совет клуба Валю Брениёву. Её кандидатура была поддержана, поблагодарили большинством. Но сомневаемся, что и в клуб Вали сможет слелять многое. Она хороший организатор.

17 августа. Закончилась заводская спартакиада. Участвовала вся группа. Самые лучшие результаты у Тан Чекиновой, по бегу и прыжкам в длину. Неплохо выступили Люба Хопёрская, Раф Финонова, Анна Долгова, Мария Клюпинкова, 7 человек из группы сделали нормы по комплексу ГТО.

Мало тренировались. К следующей спартакиаде так готовиться нельзя. Зимой все должны запастись в лыжную секцию.

22 августа. Тамара вызвали на совещание в цеховое бюро. Когда вернулась, сказала:

— Для подготовки колхозов к раже нам нужно привлечь литературу. Мы также можем принять участие. Помогите нам надо собрать 45 книг.

Тамара предлагает поручить это дело Саше Ионовой и Шуре Тюркиной, девушкам, не состоявшим в комсомоле.

— Пусть и они примут участие в наших комсомольских делах, помогают для колхозников, — говорит она.

Девушки согласны, но побаиваются: как же они это сделают?

Помогут, — подбадривает их Тамара. Не бойтесь.

Так же решено, что у одних только членов группы много книг не соберётся. Нас только 20 человек. Зато на конвейере — 65. Будем говорить об этом на собрании со всей бригадой.

26 августа. «Девочки! Поехем завтра в Останкино!» — предложила Тамара Виноградова.

— А что там такое? — спрашивают сразу несколько человек.

— Очень красивый дворец-музей, лес есть. И отдохнём и посмотрим.

— И то правда, — соглашаются девчата.

Сказали — сделано. Утром мы уехали на ногах.

Понаклон и Останкино. В парке старинный большой дом. Это и есть дворец. Экскурсовод объясняет нам, что два века назад здесь находился театр графа Шереметева. Играли в нём крепостные артисты.

Мы осмотрели очень красивый архитектурный зал в виде галереи с картинами и статуями, так называемый итальянский павильон, театральный зал. Интересно, что в костюмерной насчитывалось свыше 5 тысяч костюмов. На сцене этого театра были драмы, оперы, комедии... Вот на каком высоком уровне уже тогда, почти два века назад, стояла культура русского театра!

28 августа. Так и вышло, как предупредили. Попросили по качеству участвовать в цеховых полевых соревнованиях. С 12.1 докладывались до 13.6. Обсуждали на группе. Дали слово к концу сентября добиться от осуществления своей цели через сентябрь и октябрь. Думаю, что не получится... Соединённые Штаты не тут-самые...

Через несколько дней «Порог свободы» ходят уже по рукам. Девочки установили даже очередь.

Потом Тамара Коростышёва рассказала нам о самом Говарде Фэсте. Он видимый прогрессивный деятель. Несмотря на преследование, он борется за мир.

Наш читчик Анна Долгова доставила газеты и находят отчёт о митинге, на котором с речью в защиту мира выступил Говард Фаст.

5 сентября. Любовь Колёпина, член заводского комитета ВЛКСМ, возглавляет шеффский сектор. Навестила своих ребят — воспитанников детдома. Рассказала им, что она хочет ходить с ними в кино, устраивать беседы, экскурсии, читать книги. Ребятам это очень понравилось, все обрадовались.

Потом Любовь попросила показать школьные тетради, домашние задания. И тут некоторые стали прятаться за спину товарищей, опасаясь быть избраны в тетрадках попадающими в дубинки, особенно по русскому языку.

Любовь договорилась с ребятами, что в следующем воскресенье в кино пойдут только те, у кого нет дров.

Предложение было дружно одобрено.

В помою себе Любовь пригласила Зину Калитинову. Вывёл дело у них пойдёт вялее. Хорошо, что и для Зины нашлась работа.

6 сентября. В «Комсомольской правде» опубликовано решение ЦК ВЛКСМ об улучшении культурно-массовой работы. О重要因素ах. Пора, например, как следует организовать художественную самодеятельность. Все цехи полны молодёжи, а на заводе нет даже мало-мальского хора.

Теперь работы хотят отбывать. Скорее начали полигонить. Надо готовиться. Кто же посещает вечернюю школу, все записались в политрукаж.

8 сентября. В нашем цеху прибыла Саша Ионова и Шура Тюркина арестованы в комсомоле. Вчера их принимали на бирюзовую коммисию. А как они волновались, когда глядели туда!

Сегодня обеих поздравляли все в цехе. А Анна Петровна тепло, матерински обняла девушек.

— Когда придёт старость, мы

сможем без тревоги идти на покой.

Хорошая смена готовится нам, — сказала Анна Петровна.

Зина Кожарникова и Аня Шерапова пошли в четвёртый класс; Рафа Финонова, Тая Чекинкова и Женя Савелова — в шестой. Нина Шиншина в этом году кончает се-милетку.

Всиким вам успехов, дорогие на-ши школницы!

3 сентября. Была беседа о положении негров в Америке. И вот с чего это началось.

Рай Пора спать.

С трудом отрываясь от страницы и рассмеши смотрю на Сашу.

— Знаешь ли ты, который час?

Что у тебя за книга?

— «Порог свободы» американского писателя Говарда Фэста. Прочитала обязательно. В ней он описывает, как негр стал сенатором. Хотется дочитать скорее, добьётся ли осуществления своей цели через сентябрь и октябрь. Думаю, что не получится...

Через несколько дней «Порог свободы» ходят уже по рукам. Девочки установили даже очередь. Потом Тамара Коростышёва рассказала нам о самом Говарде Фэсте. Он видимый прогрессивный деятель. Несмотря на преследование, он борется за мир.

5 сентября. Любовь Колёпина, член заводского комитета ВЛКСМ, возглавляет шеффский сектор. Навестила своих ребят — воспитанников детдома. Рассказала им, что она хочет ходить с ними в кино, устраивать беседы, экскурсии, читать книги. Ребятам это очень понравилось, все обрадовались.

Потом Любовь попросила показать школьные тетради, домашние задания. И тут некоторые стали прятаться за спину товарищей, опасаясь быть избраны в тетрадках попадающими в дубинки, особенно по русскому языку.

Любовь договорилась с ребятами, что в следующем воскресенье в кино пойдут только те, у кого нет дров.

Предложение было дружно одобрено.

В помою себе Любовь пригласила Зину Калитинову. Вывёл дело у них пойдёт вялее. Хорошо, что и для Зины нашлась работа.

6 сентября. В «Комсомольской правде» опубликовано решение ЦК ВЛКСМ об улучшении культурно-массовой работы. О重要因素ах. Пора, например, как следует организовать художественную самодеятельность. Все цехи полны молодёжи, а на заводе нет даже мало-мальского хора.

Теперь работы хотят отбывать. Скорее начали полигонить. Надо готовиться. Кто же посещает вечернюю школу, все записались в политрукаж.

8 сентября. В нашем цеху прибыла Саша Ионова и Шура Тюркина арестованы в комсомоле. Вчера их принимали на бирюзовую коммисию. А как они волновались, когда глядели туда!

Сегодня обеих поздравляли все в цехе. А Анна Петровна тепло, матерински обняла девушек.

— Когда придёт старость, мы

сможем без тревоги идти на покой.

Хорошая смена готовится нам, — сказала Анна Петровна.

Окончание следует.

ДОРОГА

Он — атаки пехоты
По исконным колеям,
От родного комфорта
Нет с пути телеграмм.

Встань, мой друг, и запомни
Не robей ничуть:
Стал трудной и огромней
Твой мальчишеский путь.

Через камни Берлина
С этих дней до конца
Он — и улицы смыка
И дороги отца.

«Жизнь моя, если хватит,
Все, отчизна, бери!»
...В госпитальной плавте
«5-й В» — на двери.

Сколько вьюг отдыхнуло,
Сколько рошц отцевало.
Ничего не случилось,
Только детство прошло.

Оборвавшимся змеем
В небе скрылось болышом.
Мы о том не жалеем.
Может, вспомним потом.

На горизонте вспахал
С материни в руку
Мы отцов провожали
В сорок первом году.

О, тревожащий замах
Эшелонами дорог!
Эти рельсы — на Запад,
А твои — на Восток.

Стук колёс замирает..
Дым ушёл в облака...
Серый снег наливает
На воинский плаект.

В госпитальной плавте
(«5-й В» на двери)
У отцовской краинки
Беселес смотри!

О морозе не помни.
О пайке позабудь.
Стал трудной и огромней
Твой мальчишеский путь.

Твой недавно — весёлый,
Твой виноград — лежок.
Путь от мамы до школы,
От земли до другого.

Где его половина?
Сколько вёрст до конца?
Он — и улицы смыка
И дороги отца.

Он — и дальние залпы,
Он — и ближний гудок.
Он — и рельсы на Запад
И пути на Восток.

Он — чернильниц на партах
Фиолетовый лёд.
Шрамы сводок на картах,
Дни в цехах напролёт.

Каждый день — как заданье.
Сколько дней? Или лет?
Это — в левом кармане
Комсомольский билет.

В двери предсольцевата
Постучалась оно.
Вышла в поле до света,
А вернулась — темно.
То она или это?
Не признасть всё равно.

В двери предсольцевата
Постучалась оно.
Вышла в поле до света,
А вернулась — темно.
То она или это?
Не признасть всё равно.

...Где-то в кузне без крыши,
Прокопчённый вионец.
Обучает мальчишек
Однокурский кузнец:

— Эх, ребята-герои,
Сколько надо плаугов,
И сколько для построек,
И шпал для железнодорог.
Костромской на московский,
Неприметный на вид.
Парень — орден отцовский
В своем доме хранит.
Под листой снегопада
Замер город ночной.
Фронтовая бригада
Не уходит домой.

...Ночью в поле косматом
Тяжело устоять.
Бьются с ветром ребята:
Надо снег удержать!
Ветер. Тьма. Канюда.
Гнётся-валится щит.

...Фронтовая бригада
Третью смену стоит.

За недальную далью,
Неприметной на вид.
Парень рядом с медалью
Орден дома хранит.
Что зимою, что летом —
Всё парнишке с руки.
И об ордена этом
Говорят старики:
«Ниенгзёй молодому,
Что достало плюс,
Не хранить его дома.
А носить на груди.
Наша трудная школа!»
Ты не пarta одна.
Ты и голод и холод.
Матерей седина.

Мы биномы учили
С «ППШ» наряду.
Нам новостреки вручили
В сорок пятом году.

Шли солдаты ю дому,
И мы — славят и почтё.
Взяли нас воинским
На воинский учёт.

Мой отец, мастер кровель,
Друг, скажу я тебе,
Был строителем по крови
И солдат по судьбе.
В годы зимние эти
Строя на бландинки.
У меня же и примете
Новых школ этажи.
Мы совсем не герои,
Но скажу и опять:
Научились мы строить,
Научились строить.
И каким боям бомбы
Ни готовили нам.
Горячие наши домы,
Строй защитеников прям.
И в строю этом верном,
Приглашись-ка, мой друг.
Ты узнаешь, наверно,
Столичных сверстников заруб.
Одноклассников столичных,
Спутников по труду,
В этом племени стоящих,
В этом грозном ряду.
Ты спешишь? Понимаю...
Руку дай мне, прощаю!
Я и сам уезжаю
далеко на Алтай.

В мире дремлющих блок,
Там, где будет завод,
Молодой наш посёлок
Пятый месяц живёт.

Он такой ещё малый
В складках хвойных одёж,
Что на карте, показалу,
Ты его не найдешь.
Дым рассвета, рассейся!
Полотно не туманы!
Разбегаются рельсы
В эту синюю рану.

Разбегаются рельсы,
Чтоб засыпать гудок.
Нам северо-запад
На юго-восток.
туда обратно,
Перешлём и в раз.
А у окон ребята
Неотрытое стоят.

До свиданья, родные!
Застаивай, зест путей!
Мать-Отчизна России,
Принимай сыновей.
Нации руки рабочие,
Нашей мысли подают.
Поеzd дымом нас потчут
И о том же поёт.

Пролетаем недолго
Дробном гум моста,
Приподняв Волги
Новостреки моста.
Громыхаем стоянами
Мимо ночи засел.
Где встают перед нами
Оголы АЗС.
Мимо трамвайных,
Где ещё до сих пор
Плещут волны барханов,
А не волны сёбр.
Всё свободней в вагоне
С израстением вёрст.
Только песня не гнет
На перекатах колёс.
Ходят на полустанках,
У перекатах вёрст.
В шуме пна и ржавцов
Наша песня живёт.
Сколько вьюг отмылись,
Сколько рошц отцевало.
Что случилось, что сбълось?
Всё в твои песни вошло.
Круче, рельсы стальные!
Песни, выше лети!
До свиданья, родные,
Ждите писем с пути!

С Т У Д Е Н Т Ы

На стол перед Анатолием с тихим шелестом легла тоненькая тетрадь...

— Вот вам хомут и дуга, — проговорил Виталий Базилевский.

А я вам больше не слушаю!

Анатолий поднял глаза, и взгляда бывшего комсорга, склонившего «дела», и нового, только сегодня избранного, встретились. Лицо Базилевского спокойно, лишь брови вздрогнули, собираясь к переносице.

Анатолий удивился, встал из-за стола и подошёл к Виталию:

— Ты, брат Юните, серанийся — значит, ты неправ. Перестал бы переживать, лучше подсажись, с чего начать, как сделать нашу группу в университете лучше?

«Брат Юните» строптиво почёх плечом и вдруг так же внезапно, как рассеянно, сейчас искренно рассмеялся. Быстрая смена настроений всегда отговаривала Виталия — лучшего художника факультета, бессменного редактора бюллетеня научного студенческого общества.

Невидимо наследство подумавши, комсорг, — уже серьёзно сказал он, перелистывая страницы тетради, — всё анкетные данные... Слышали — поставили?... Дружки настоящий в группе нет — вот в чём моя ошибка. Когда вся группа будет заодно, как целая семья, ей любое дело по плечу. Я этот секрет поздно раскрыла, а тебе с первого же дня советую: скобай всех в коллектив. Сначала артачиться будут — ты не отступай. И чтоб в театр вместе, к семинару готовились — друг другу помогать, и семена акций собирать — тоже всей группой, на одном участке. Представляешь?

Разговор получился затяжной, но по-настоящему комсомольский, искренний...

...Первыми, кто заметил перемены в жизни студентов-физиков, были работники библиотеки.

— Была ли у тебя, говорит старший библиотекарь, — каждый студент захотелся только о себе. Возьмет такой «одиночка» дефицитную книгу и дерётся за неё, ставят её на полку илья муромец. Четвёртый курс физиков берёт книги через старость, возвращают в положенный срок. Перед канунами в библиотеку зашёл комсорг Анатолий Шувавэй, записал долгников. Вскоре выяснилось, что сама долгинка,

Таким студентам хочется помочь; к их услугам любая книга на полке, говорят библиотекари.

Да, многое изменилось за этот год в группе...

...На међуфакултетске соревнования по лёгкой атлетике пришли все комсомольцы четвёртого курса физиков.

— Вы что, участники? — спросила дежурный распорядитель у входа в спортзал.

— Нет, мы болельщики, — пояснил Бронислав Карпенко, отчаянnyй матоманник, владелец значка за отличную работу.

«Болельщик» со своей участницей соревнований профессора Александра Клынову, гимнастку III разряда, привёл в Лигу Жмуль, лучшую пионершу на факультете, и старшекурсников, и даже Аллю Данилова, недолюбливавшую спортивные занятия. Вот она прогорела в разделевальнице и тихим, но властным голосом упрещала одиночницу:

— Денисик, Клёнова! На тебя вся группа надеется!

— В начале года комитет поручил комсомольским IV курса взять шефство над младшими из обитателей «Ростсельмаша».

Первым вспомнился Проциков:

— Туда езды одной — два часа... а не забыл ли комитет, что мы не первокурсники? Нам заниматься надо, к научным докладам готовиться — в общем, мы этого не сделаем...

Ты от своего имени говори, — сухо оборвал крикун Анатолий Сланченко. — Тогда, дай мне слово... Я, например, считаю поручение комитета не только обязательным для всех комсомольцев, но и полезным именно для нас, старшекурсников. Что мы можем, производство, о жизни заводской молодёжи? Нам, будущим инженерам, не только техником командовать, но и людям руководить придётся.

— Пустят болтовню! — настаивает Проциков. — Просто Шувавэй надоилось записать очередное «мероприятие» в дневник... Если ему надо, пусть один едет...

— Нет, Проциков, — спокойно и твёрдо заявил Шувавэй, — обежжите поедут все комсомольцы.

— Вот из таких белоручек и получаются «мальчики из Мелекесса», — пробасы из места Александр Сланченко, член редколлегии факультетской газеты на иностранном языке. Инцидент с Проциковым подсказала Сланченко тему и заголовок будущей корреспонденции. И он тут же записал в свою тетрадь:

«Ein Klava aus der Stadt Melekes».

Через несколько дней после собрания комсорг и его друзья пришли в обитатель «Ростсельмаша». Молодым работникам понравились научно-популярный доклад Анатолия Шувавэя «Рентгеновские лучи и их применение». К докладу Анатолию готовился было не трудно: тема была подробно разработана им ранее на конференции научного студенческого общества. За доклад «Определение расстояния между атомами в кристаллической решётке» Анатолий получил грамоту Министерства высшего образования.

Удались шефам и концерт. Николай Спиро играл на домре, Лия и Зоя пели, Александр Надель показал, на что способна простая барабалка в умелых руках музыканта. В заключение снова выступил Шувавэй — на

этот раз как член рассказа «Ушала». По дороге в город шефы так хохотали и пели, что прохожие завистливо оборачивались: с именем, и нарядом, и шубой, разгулялись!

И, действительно, у всех было отличное настроение, как на именинах. На второй день в перерывах только и разговора было, что о шефском.

— Лёд тронулася! — торжественно объявила Бронислав Карпенко, поблескивая очками. — Меня подс徵ные просили привезти докладчика «Комсомол в Отечественной войне». И, конечно, концерт повторится...

— Тебя как развеял вакуумом факультета, и карты в руки... — усмехнулся Саша Надель. — У меня сложнее: ученики вечерней школы просят помочь отстакющим по физике. Никак с рягами не разбираются...

— А мне завтра снова ехать... — ворчал Базилевский, бережно расправив на коленях тексты предпраздничного концерта — вот вызывался лодзинги написать...

Шувавэй, стоявший в стороне, посмотрел на Виталия и подумал:

«Называется, себе цепь! Знаешь, что лучше тела никто не нарисует!»

Анатолий развернул свой дневник. Он вспомнил об одной оригинальной просьбе подопечных: никороский парнишка в стёганом ватнике остановился на крымской Шуваве и спросил:

— А что, у вас больше парни учатся?

— Не-ет... — растерянно ответил Анатолий, не понимая, к чему клонит крепыш в стёганке, — у нас много и студенток. Ведь были же сегодня. А что?

— Поручили мне привезти девушки в наш клуб, потешевать... Мы клу... сами привозим, и стулья уберём, и попы помоем...

— Ладно, передам вашу просьбу... — улыбнувшись, ответил комсорг, а про себя подумал: «Запишши вот такое пожелание в отчет для комитета — на смене поднимут. А почему бы не приехать сюда на танцы? Тем более, что факультетский клуб закрыт...»

Инцидент с клубом тянулся ещё с осени. Все годы были у физиков и математиков клуб, свой струнный оркестр, хор, певцы и танцоры. И вдруг осенью клуб закрыли. С молчаливого согласия комитета комсомола.

Шувавэй записывает в пухлой тетради-дневнике: «Приг. в оби. дев. на танцы и сюда привез дневник в боковой карман пальто. Эта тетрадь интересует многих студентов. Любопытно, например, заглянуть в раздел «Посемнадцать», где против фамилий стоят таинственные знаки — пачочки и точки. Раньше этих знаков было больше, теперь меньше. Пачочка означает пропущенный день занятий, точка — опоздание к началу лекций. Конечно, староста Бердинков и не думает выгонять нарушителей дисциплины, но комсорг твёрд в своих принципах: лучше иметь свой учёт — «дөверий и проверять». Рядом разграфлённая, как таблица шахматного турина, страница с результатами зачётов».

Есть в тетради и другие записи — о сумме собранных денег в группе на факультете для тяжело больного студента однокурсника. Шувавэй знает, что заболевший — человек гордый и никаких подарков, а тем более денег не примет, поэтому комсорг уговорился с председателем профкома, и деньги выдаются как «вспомогательное пособие» из кассы взаимопомощи. Здесь же фамилии девушек, которые навещали больного, приносили ему лекарства, продукты.

На следующий листке перечень книг, «Повесть о настоящем человеке из «Библиотеки лета», «Кавалер Золотой Звезды» — всего около двадцати названий. Эти книги отбирали и покупали сами комсомольцы группы, чтобы послать в подарок лучшей строительной бригаде Чимзянского гидроузла.

«Прощай соревнования, отремял песнями весёлый студенческий Новый год. Первыми на зимней сессии студенты физики сдавали экзамен по политэкономии. Шувавэй, сдавший досрочно, пришёл в этот день пораньше. По залу уже прогуливались Алла и Саша Клёнова, победительницы соревнований, получившие вторую разряд по гимнастике. Саша сдавала экзамен в первой тройке. Зоя Лекутская шла последней. Но и Саша и Зоя, счастливая, гордо полученной оценкой «отлично», дождались комсомольцы всей группы.

Любое событие: будь то семинар, или поход в кино, или шеффский коммюнике, — всё сейчас в группе делается сообща. Работу Шувавэя и его комсомольцев ставят в пример другим студентам университета.

Как же произошли все эти перемены? Конечно, без актива Шувавэй ничего не удалось бы сделать. Этот актинг рождался не сразу. С самого начала было двое: бывший комсорг Виталий Базилевский, скромный, неуверенный, но энергичный парень, и Анатолий Шувавэй, упрямый, методичный в любом деле. К нему привели Николай Спиро и Александр Надель. Работа над одной из группой в научном студенческом обществе сблизила, служила комсомольским. Так образовалось ядро группы. Для здания всё это и прочее разгоралось как костёр боевой комсомольской дружбы. Теперь каждого студента группы волнует судьба товарища: из помощь на выручку одному приходит двадцать для комсомольца. Поэтому-то о группе физиков с четвёртого курса говорят сейчас как-то по-специальному тепло...

Ростов-на-Дону,
университет имени Молотова.

Л. Присяжнюк.
Девушка-геолог (скульптура)
Всесоюзная художественная выставка
1950 года.

Рисунок А. Ливанова

Случилось непредвиденное. Соломатин один из один встретился в лесу с медведем. Трудно сказать, как надо поступать в подобных случаях, но Соломатин поступил явно не лучшим образом. Он выстрелил в медведя из ружья, заряженного дробью, и побежал.

Измятый и ободранный, он лежал сейчас в избушке тайного селения Каменка, на реке Иртыш, в окрестах геодезической станции, выше или маленький оврага.

Случай с Соломатиным поставил под удар всю нашу дальнейшую работу. Мало того, что я лишился помощника. Соломатин становился обузой отряда, ему нужно было оказать срочную медицинскую помощь.

Всё это я рассказал Леткову, старшине катера «Гвардеец», которых привыкли в Каменку с грузом для кооператива и завтра собирались отправиться обратно вниз по реке. Я просил его поспешно доставить нашего больного в Лопатину, районное село, в котором была хотя и не блестящая, но всё-таки больница.

Старшина Летков и моторист Веткин слушали меня внимательно. Однажды, в синих комбинезонах, коротко стриженные, росые и здоровые, походили на двух братьев. Я не сомневался, что они же откликнутся.

Но не успел старшина ответить, как откуда-то из тайной тишины долетела до нас гут «соловьё». Огни, приближаясь и наливаясь, пронеслись над катером, удалились.

Это был рыболовный товарищ-пассажирский самолёт. Раз в неделю он пролетал по этой трассе, останавливаясь с ночёвкой в Лопатине и на рассвете вылетая в город Черноморск. Прекрасный бы случай доставить Соломатина к пароходу больнице! Но для этого надо было попасть в Лопатину обязательно сегодня.

Я сказал об этом Леткову и Веткину. От их решения теперь, быть может, зависела жизнь Соломатина.

И ждал. За бортом тихо плескалась вода. Где-то на берегу краем ребятишки Летков смотрел в окно на заходящее солнце. Потом он посмотрел на часы, и я без слов понял его. Река канрина. На пути к Лопатину три порога: Поповский, Ревун и Шальманов — у каждого из них своя почечальная слава. Самый страшный — это третий Шальманов порог. Река здесь поворачивает налево горудами. Вода стиснула скалы и устремилась к левому берегу и, как бы отталкиваясь от него, внезапно кидается вправо. От одного берега к другому густо сплошь изверженных пород, образуя непроходимый барьер с маевской «кламткой» у левого берега. Камни и скалы над этим порогом испещрены называниями судов, потерпевших аварию. Пройти Шальманов можно только днём, да и то с большой осторожностью, ночь же через порог вообще не ходят.

И Веткин, как бы подтверждая мое опасение, сказал:

— Но так давно мы среди бела дня наскачивали на камни.

«Как же это? — стараясь казаться спокойными, думал я. — Неужели откажут?»

Веткин довольно весело начал рассказывать, как однажды старшина попадя перекусить, а матрос просмотрел перевалочный знак и посадил катер на камни.

Анатолий ЛИВИНЕВ,
депутат совещания молодых писателей

СРОЧНЫЙ РЕЙС

Рассказ

— Тогда тоже народ ехал, — говорил Веткин. — Повсюду были все, а катер так и бьется...

Летков перебрал его. Вытерев тыльной стороной руки усы, он неожиданно сказал:

— Несите!

Через десять минут Соломатин уже лежал в кубрике, а «Гвардеец», легко поступивший мотором, отходил от берега.

И я тоже поехал с ними. Мне нужно было пополнить запасы. А главное — занять продуктов и договориться о машине для отряда; наши со всем сбоям себя ноги. А главное — мне хотелось проводить Соломатина. Раньше мог я отпустить его в таком рейсе одного?

Остановившись на берегу провожали нас. Узкая полоса воды между нами всё расширялась и расширялась, пока не превратилась в широкое водное пространство. Деревушка скрылась за поворотом. Теперь перед нами расстипалась одна вода. Но это не была обычная гладь реки, освещённая уже низко стоящим солнцем. Вокруг катера крутились бесчисленные маленькие воронки. Ни камней, ни гребней пены, только воронки...

Под рулевой рубкой напрямёд стучала машина. Оттуда вылез Веткин, вытер руки паклей и, бросив её за борт, крикнул:

— Полный порядок!

Летков сидит за рулём. Его руки спокойно лежат на «баранке», а взгляд устремлён вперёд. О чём он сейчас думает? На его лице я не могу прочесть никакого ответа.

От машины с старшине меня отвлекает Поповский порог. Белая волна бурлит, вспенивается к нам, своим блаженным концом и, как стрелка, врезается волной в борту полулука, уходит назад. Ничего страшного. Я смотрю на Леткова. Веткин сидит, потонув, на солнце. Оно опускалось ещё ниже и вот-вот коснётся горизонта. Но до полного захода солнца далеко, а мы идём в меньшей мере километров двадцать в час. По работе машины можно определить, что старшина и моторист выжимают из неё всё возможное. Заметно это и по берегам — так быстро меняются пейзажи. Тёмные массы тайги прерываются скалами, скалы сменяются песчаными отмелями, за ними ряжие пещеры гарей, потом опять скалы и снова тайга.

И здрав берега темнеют. Соалице коснулось горизонта. Оно спускается в воду, постепенно из расплывчатого становится вишнёво-красным. И вместе с его последними лучами доносится к нам звук волны. Мы проходим его, когда солнце уже скрылось за горизонтом. Белые грязи пены не кажутся нам такой величественной. Науко склоняется, но видно это один из наменеен опасных порогов. Крупные камни его отчётливо выступают над водой, и обйти их не составляет особого труда.

Теперь впереди остаётся только один Шальманов порог. Горизонт ещё полон света и красок. Розовое небо, и розовая вода разделены чёрной кромкой залесенного берега, а между лесом и его чёрными отражением — серебристый поясок воды. Но вот краски тускнеют, небо подёргивается серым налётом и всё больше темнеет. Видны только контуры берегов. Темнота надвигается так быстро, что ощущается, как нечто весомое. Руки Леткова уж не кажутся такими спокойными. Они крепко сж

мают рулевое колесо, беспрестанно поворачивая его то вправо, то влево, и сам Летков весь подсыпал вперёд, всматриваясь в сгущающуюся темноту. И наступала ночь. Ночь перед порогом, перед конечным пунктом нашего рейса.

Мне как-то довелось вести катер. Я вёл его под наблюдением старшины и за полчаса успел понять, что рулевой видит реку совсем иными глазами, чем пассажир. В этот рейс я не замечал живописных берегов. Перед глазами мелькали отыбающиеся фарватеры, вехи да перевалочные знаки, указывающие места поворотов. Ухо ловило шум выхोдящий из-под борта воды, по которому старшина определяла на слух глубину. И теперь, вглядываясь в напряжённую фигуру Леткова, я начинаю подумывать, что, похоже, самое разумное — это пристать сейчас к берегу, переночевать, а на рассвете постараться прибыть до открытия самолёта. Но Летков продолжает вести катер. Он только собирает обороты мотора, и сплошной грохот сменяется ритмичными перестукиванием.

Я встал и почёхнул проводить Соломатина. Он спал и так и спал во сне. Рядом сидела матрос и равнодушно прислушивалась к гулу мотора. Видимо, он не испытывал никакого беспокойства, и я тоже успокоился. Я хотел было уже уйти, как вдруг Соломатин открыл глаза. Он узнал меня и улыбнулся:

— Я много хлопот вам причинил...

— Ничего, — сказал я. — Мне всё равно надо в Лопатинию. Ты вот скажи спасибо, что нам такие хорошие люди попались.

При этих словах матрос повернула ко мне своё широкое лицо

и сказала с удовольствием:

— Летков — это человек!

— Да, — сказала я. — Если бы не он, плохого было бы твоё дело, Соломатин. Не пришлось бы уж в другой раз ходить в лес. Или и так не пойдёшь больнее?

— Пойду, — он улыбнулся, потом поморщился. — Ох и больно же...

— Спи, — посоветовал я. — Когда спишь, легче.

Он закрыл глаза. Я вернулся в рубку. С реки веяло холдком, и я, придерживаясь за поручни, с минуту стоял у борта, всматриваясь в темень и стараясь угадать в ней приближающийся берег.

Я ни о чём не думал и не мог думать. Я знал только, что, то, что на Леткова решился, очень опасно, но он должен пронести катер через порог. Это было необходимо.

По сторонам забурлила вода, шум извне перекрыл гул мотора. Летков приподнялся. Впереди, чернело пятно, ещё более чёрное, чем окружающая нас ночь. Над ним, то появляясь, то исчезая, мерцал огонёк, а вокруг него грохотало, бурлило. Катер встрясывало. Что-то царапнуло по лицу, и казалось, катер уже скрёбёт по камням порога. Иногда, наоборот, не было смысла скрёбёт по шпоркам, и тогда казалось, что катер стремглав несётся на берег. На мгновение я представил Соломатина в бурлящей ходальной воде. Уйти из-под медведя, чтобы уронить в реку?

Я горюю эти мысли. Почему я решил, что мы разобьёмся? Старшина с моторщиком рискуют не меньше. Отвечать за всех — это больше, чем отвечать за самого себя. Они ведут катер, и надо довериться им.

А вдруг мы всё-таки разобьёмся? Но может быть? Просто мне страшно потому, что пока раз. Это страх за Соломатина. Случайно, что мы будем хуже всех. Но ничего, всё будет хорошо. Человек совсем ведь спокойен. Нужно только быть осторожным... Чёрт возьми, какая тут осторожность, когда кругом так темно и впереди только огонёк перевалочного знака прыгает... Нет, это не огонёк прыгает, это катер подбрасывается на волнах. Ощущение такое, что Летков ведёт катер по слуху. Но так или иначе, мы ещё не разбились и не сломали на камни...

Я ещё ничего не вижу, но уже слышу: шум остаётся справа и позади. Летков опускается на скамейку. Его лицо становится добродушным, а глаза выражают удовлетворение. Мы прошли порог. Летков прибавляет оборотов, и мотор начинает постукивать веселее. Я смотрю на часы, а Беткин, с шумом выдохнув воздух, говорит:

— Ну, знаешь... Такой страх я только раз испытал. В Красном море. Там мы с грузом грязинской нефти и пришли сигнала бедствия. Выходили на посыпанные и видим: горит судно, а вокруг три-четыре парохода стоят, англичане, американцы разные. Наш капитан, хороший был старик, поддёл команду, мы разворачиваемся и коркой к горящему судну. А грязинская нефть — самая лёгкая, того и гляди взорвётся. Но мы людей всё-таки сняли, оказались наши, русские, репатрианты. Говорят: «Мы думали, конец нам. Стоит вокруг заграницы, а не подходит, краску испортить боится». Наш потом грамоту дали: «За спасение погибающих».

Он замолкает. Из-за поворота выпалывают световые огоньки Лопатинии.

...Когда самолёт улетел, унося с собой Соломатина, я, взял две лошади и получив с перевалочного пункта продукты, выехал в Каменку. Програжая мимо берега, я остановился, достал специальную призывную банку белой эмалированной краски и, спустившись к воде, написав на скале большими буквами: «Здесь, низвода реки-реки, написал старик Летков». И спустившись к воде, написав на скале большими буквами: «Здесь, низвода реки-реки, написал старик Летков».

Слава советским водникам!

В этом году я узнал, что порог тот стали называть «Гвардейским».

ЖИВАЯ ВОДА

Джейхун¹ пройдёт по древнему Узбеку
И зачеркнёт пустыню Кара-Кум.

С ним скоро Каспий встретится волною
И принесёт лесов зелёный шум.

Пришёл конец далёким захолустям.
Живой водой преобразив пески,

Мы на луга овец отары пустым
И скакунов туркменских косики.

Мы в агрогородах колхозов наших
Используем энергию воды,

И бывшую пустыню опояшут
Леса, бачки, фруктовые сады.

И поведут, где были лишь барханы,
Моторные баркасы рыбаки.

А нефтяные вышки-беликаны
Смелее зашагают вдоль реки.

Когда пройдёт каналов счастья плавно
Дыханье освежающей волны,
Дни коммунизма мы увидим явно,
Как будто в ней они отражены.

Перевод с туркменского
Александр НИКОЛАЕВ

¹ Джейхун — название Аму-Дарьи.

Иван РЯДЧЕНКО

ВЕРИМ, ТОВАРИЩ!

Мой товарищ хороший,
Мой земляк по окону,
Мы с тобой прошагали
В дымных грозах Европы.

На затяжной карте,
На солдатском плащевете
Мы с тобой рисовали,
Что желали плашнете:

Молодые побеги
Возрождённого сада,
Величавые своды
Новых стен Сталинграда,

И мосты над рекой,
И деревни в пустыне,
И плотины, дающие
Силу турбине, —

г. Кинеш.

Потому что, товарищ,
Даже в громе орудий,
Мы, по сути, с тобою
Очень мирные люди.

...Не на карте-двухбёрстке,
Не в плащевете солдатском —
Выши наши мечты
К берегам сталинградским.

Это наша мечта
Скалы рабт аммониолом,
Чтобы сделяться Главным
Туркменским каналом.

И мы верим, товарищ:
Всюду мир в мире будет.
Ведь мечтают об этом
Все честные люди!

Делегация китайской молодёжи в СССР. Слева направо: артистка Шанхайской оперы Юань Сюэ-Финь, артистка художественного молодёжного театра в Пекине Бай Линь, рабочая из Китая Чжан Цзянь, замужняя девушка-трактористка Лян Цзюнь, машинистка паровоза Тянь Гуй-ян.

Фото Д. Шоломовича

ДРУЖБА

В. НИКОЛАЕВ

...Убегая фонари прилепились на краю крохотного рисового поля. Тяжела, очень тяжела жизнь её обитателей. Ни денег, ни кручинки риса. Призрак голодной смерти стоит на пороге. Нечем уплатить долг помесицам. Многие соседи уже не раз откупались от помещика, отдавая ему свою дочерей. Такой же путь... Но как солдатам решиться на такой шаг? Только вдовеёдение до края гибели, они соглашаются на эту сделку.

И вот девушка отдана помещику. За несколько дней жизни у старого развратника чёрные, как смоль, волосы девушки становятся белыми. Седая девушка... почти дитя...

...Затих дыхание, зрили, переполнившись зал Молодёжного китайского театра, следят за развитием действия в пьесе «Седая девушка».

На сцене — возвращенная жизнь Китая. Делай самые молодые артисты видели немало из того, что произошло на сцене, сами, свои глазами.

Под бурные аплодисменты всего зала и взоры молодёжи в деревню, где бесчинствует помещик, приходит 8-я армия, армии ге-роев-освободителей...

Роль седой девушки исполнит молодая артистка Чжу И. Вместе с ней одна из ведущих ролей ведёт её подруга Бай Линь. Обе они родились и выросли в одном из тех районов Китая, где зародилось национально-освободительное движение. Они с детства познали радость свободы и теперь несут любовь к ней со сцены.

Радость новой жизни родила новые образы. Театр поставил из своей сцены спектакль «Как заклялась сталь» по роману Н. Островского. Образ Павки Корчагина — юноши-героя, отдавшего свою жизнь народу, — вдохновлял и вдохновляет китайскую молодёжь на борьбу за свободный и независимый Китай.

Новая жизнь началась для китайской молодёжи. Юноши и девушки, вернувшись к мирному труду, успешно восстанавливали промышленность страны. Молодые земледельцы, получив землю, вместе со всем народом строят могучий цветущий Китай. И в труде, как и в бою, китайская молодёжь берёт пример с советской молодёжью, дружба которой вдохновляет её на самоотверженное служение родине, народу.

В частных китайских добровольческих залах сражаются со сгинувшим имением Зон Коцомеды়инским: в школах и полях Китая работают тысячи молодых послов-дипломатов известных советских на-ваторов.

Три года назад китайская девушка Лян Цзюнь впервые увидела советскую трактористку Паши Ангелину в кинофильме. Советская женщина управляла трактором. И самий трактор и то, что им управляла женщина, было чудом для Китая. Лян Цзюнь решила стать трактористкой. Она была членом Новodemократического союза молодёжи, который объединяет в своих рядах около 3,5 миллиона юношей и девушек нового Китая. Союз послал её учиться на курсы тракто-

ристок. И вот наступила радостный день, когда Лян Цзюнь повела трактор.

Сегодня Лян Цзюнь водит не только трактор, но и самоходный комбайн и сама уже учит китайских девушек искусству управления новейшими сельскохозяйственными машинами. Народ избрал свою первую трактористку Лян Цзюнь членом Политического Консультативного совета Хэйлунцзиньской провинции.

Такой же путь проделала и Тянь Гуй-ян. Ей пришлось начать трудовую жизнь с девяти лет, ибо кроме неё у матери было ещё шесть дочерей. Узнав о том, что в Советском Союзе есть девушки-машинистки, она по их примеру решила стать машинистом и добилась своего. Она водит теперь поле, экономя уголь, как советские машины.

Всех областях жизни Китая участники митинга — патроты.

Известной певицей Шанхайской оперы Юань Сюэ-Финь 28 лет назад она считает, что только теперь началась её настоящая жизнь. И этой новой жизни она отдала весь свой талант. Она активно участвует в переустройстве Шанхайской оперы, которая раньше была оперой горя и слёз. Она хочет петь о борьбе народа, о его радостном труде.

Дочери освобождённого Китая, о которых рассказано здесь, недавно побывали в Советском Союзе. Они приезжали в нашу страну в составе делегации Новodemократического союза молодёжи Китая.

Два с половиной месяца посланцы геройской китайской молодёжи гостили в СССР. Они посетили Москву, Ленинград, Донбасс, Запорожье, Киев и другие города и районы Советской страны.

Китайские юноши и девушки встретились с советской молодёжью на заводах и фабриках, в школах и институтах, в колхозах и МТС, и вскоре их окружала атмосфера горячей любви и дружбы советских юношей и девушек. Тысячи новых верных друзей нашли в стране победившего социализма посланцы китайской молодёжи.

«Народное строительство в Китае также интересно. Но мы верим в свой успех. И эта уверенность особенно усиливается посещением нашей замечательной страны», — сказала Юань Сюэ-Финь.

Вот что заявила Тянь Гуй-ян перед отъездом из Советского Союза:

«Всёใหญему делу строительства народного Китая мы, молодёжь, отдадим все наши силы. И мы победим. Залог нашего успеха — великая и нерушимая дружба с Советским Союзом.

Братская связь, которая соединяет нас с Советским Союзом, мы особенно отчётливо почувствовали, находясь в Советском Союзе. Поверьте, где бы мы ни появлялись, нам устраивали самая горячий приём.

Никогда не забудем мы о том, что видели в Советском Союзе. Мы знаем: дружба народов Советского Союза и Китая — непобедимая сила мира во всём мире. Мы будем неустанным крепить эту дружбу».

Три года назад в Чехословакии произошло событие исторической важности: 25 февраля 1948 года трудящиеся республики под руководством Чехословацкой коммунистической партии ликвидировали гнусный замовор отечественных и международных империалистов против народно-демократического режима и бесчестно стали на путь демократии и социализма.

Три года — небольшой срок. Но какие революционные перемены произошли за это время в стране! На примере Чехословакии весь мир мог ещё раз убедиться в том, что народ, освобождённый от пут капитализма, народ, ставший хозяином своей судьбы, способен творить чудеса.

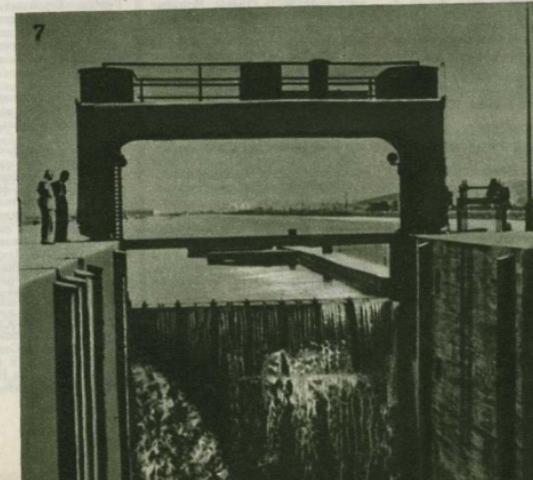
Трудно переоценить ту роль, которую играет во всех этих великих преобразованиях молодёжь Чехословацкой республики во главе со своим вожаком — Чехословацким союзом молодёжи. Союз стал подлинно первым помощником коммунистической партии в строительстве социализма и воспитании молодого поколения.

В каждом полезном деле, в каждом патриотическом начинании, с большим, малым, младёжью принимает самое горячее участие, вкладывает в неё свою энергию и сиюю неистощимую энергию и горение. В 1948 году в стране стали создаваться первые ударные бригады — эти были молодёжные бригады. Сейчас в социалистическом соревновании участвует уже свыше двух третей всех рабочих Чехословакии. Союз подготовил свыше 10 тысяч трактористов для крупных сельскохозяйственных кооперативов. При уборке урожая в добровольных молодёжных бригадах участвовало около 150 тысяч юношей и девушек.

Руками молодых построена железная дорога в Словакии, десятки тысяч молодых патристов строят большой металлургический комбинат в Моравской Остраве, Богумильскую железную дорогу и ряд других замечательных объектов. Союз воспитывает молодёжь в духе социализма, укрепляет в ней любовь к родине, любовь и преданность в товарищам — замечательному всем трудящимся мира — Советскому Союзу. Вместе со всей прогрессивной молодёжью мира Союз горячо борется за мир, за единство и преданность в товарищам — замечательному всем трудящимся мира — Советскому Союзу.

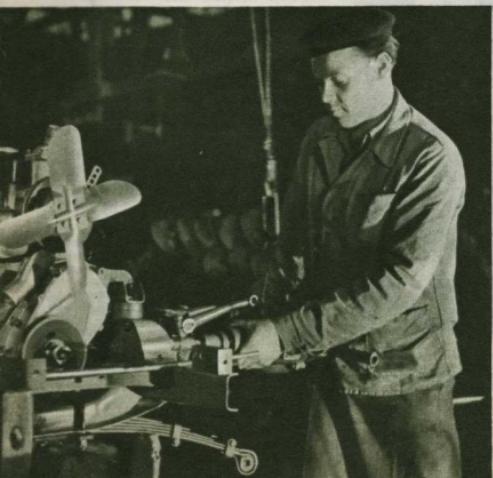
Своими трудовыми подвигами, патриотической деятельностью Чехословацкий союз молодёжи завоевал широкую популярность среди всех слоёв чехословацкого народа. Ряды Союза за один только год выросли более чем вдвое. Сейчас он объединяет свыше 1200 тысяч юношей и девушек — лучших представителей молодого поколения Чехословацкой республики.

На склоне: 1. Никогда ещё не была старая Прага такой прекрасной, как в тот день, когда ей принесла обновление коммунистическая партия. 2. Молодёжь из различных новейших сельскохозяйственных машин появляется на полях страны. 3. Хоровой ансамбль учеников художников выступает перед зрителями. 4. Танец юношей и девушек Чехословакии. Польши и Германской демократической республики собрались в городе Житомир на слёт друзей молодёжных стран. 5. Участники соревнований по прыжкам с канатов в городе Копенгагене. 6. В единой школе дети трудящихся Чехословакии получают всестороннее развитие. 7. Олимпийские дни проходят в спортивном монументальном сооружении «Брюно». Члены Союза молодёжи всюду и нигде выступают как воины нового поколения новой Чехословакии.

PIONYU

8

После войны герой экипажа рейхстага Александр Соколовский вернулся к мирной профессии инженера-механика.

Фото А. Мокледцова

Это было в 1945 году, в последние часы войны. Из подвалов рейхстага, взятого с боем нашими бойцами, выходили пленные фашистские молодчики. Они выстраивались в длинную шеренгу на Королевской площади. И когда последний немец пристроился к шеренге, на ступенях каменной лестницы рейхстага появилась санитарные nosilki. Их несли двое советских солдат. На nosilki лежала под щитом наш офицер с забинтованной головой.

Окровавленные бинты на голове офицера привлекли внимание всей многонациональной немецкой колонны. Бойцы несли nosilki вдоль колонны немецких пленных. Раненый офицер смотрелся в лица пленных, как бы кого-то отыскивая. Но вот nosilki поровнялись с средней колонны, и раненый офицер сказал:

— Стоп, солдаты!

Nosilki остановились. Офицер всмотрелась в лицо немецкого коменданта рейхстага.

— Ну, что, убедились, что наш Суворов оказался сильнее вашего Мольтке? — сказала с улыбкой раненая.

Фразу нашего офицера тут же перевели немецкому комендантам, и его дрожавшая правая рука потянулась под козырек.

Чтобы понять суть сказанного нашим офицером, пришлось остановиться на несколько часов назад, в рейхстаг.

Раненый офицер был Александр Владимира Соколовский, помощник коменданта полка по строевой части, того самого полка, который брал рейхстаг.

Во время боя немцы решили выиграть время и пошли на переговоры с Соколовским, который командовал подразделениями своего полка в здании рейхстага. Соколовский, несколько солдат и офицеров встретились с немецким комендантом. Интересно держал в руках пистолет, голове не было фуражки. Соколовский, смотря на самодовольное лицо коменданта, догадалась, что тот специально снял фуражку, чтобы не привлекать наших парашютистов.

— Вы должны положить оружие, — сказала немецкий комендант.

— Почему так? — спросил его Соколовский.

НЕ ЧИСЛОМ, А УМЕНИЕМ...

— Нас тысячи, а вас всего в рейхстаге сотня, — улыбнулся комендант, — и сложите оружие!

Один из наших офицеров сказал:

— Так что же... я в Берлине пришёл вам в плен славиться? Я пришёл в Берлин вас пленить или уничтожить. Давай десять минут на размышления. Ваше положение безвыходное.

— Но вас всего сотня, — с насмешкой произнёс комендант.

— Войют не числом, а умением, говорил наш Суворов, — сказал Соколовский.

— Наш Мольтке был сильнее вашего Суворова и говорил, что в войне не бывает безызвинимых побед, — снова с улыбкой сказала немецкий комендант.

Посмотрим, кто сильнее ваш Мольтке или наш Суворов.

Переговоры прекратились, и бой в рейхстаге возобновился с прежним ожесточением.

Мирным трудом на колхозном винограднике заняты депутат Верховного Совета Грузинской ССР Герой Советского Союза Мелитон Кантария.

Фото М. Озерского

ним. Через несколько часов немецкий гарнизон в рейхстаге запросил пощады и капитуляции.

Командант смотрел на бинты Соколовского и вспоминал что-то из рассказа соседа, очевидно, своему помощнику. Фразу, сказанную командантом, наш переводчик передал Соколовскому: «Я восхищаюсь мужеством русских».

Солдаты уложили Соколовского в машину, и он попал в госпиталь. Рейхстаг горел.

Спустя пять лет мы встретили Соколовского в конструкторском бюро Министерства строительных материалов. Он сидел за чёртёжным столом и вычерчивал какие-то сложные детали. После войны он вернулся к своей мирной профессии конструктора-механика и создаёт машины, производящие строительный материал.

Десятилетия конструктором бились над механизацией выгрузки кирпича из кольцевой печи после обжига. Выгрузка всегда производилась вручную из невыносимой жары.

А. В. Соколовский сконструировал машину, которая сама производит выгрузку. Эта машина попала в серийное производство. Она освобождает из выгрузки 9 рабочих из 15.

Вышведший помощник командира знаменного полка Соколовский не так давно сконструировал для кирпичных заводов страны такой автомат, который сам режет кирпич, складывает его в строгий штабель с определёнными разрывами между кирпичами, подаёт кирпич из печи после обжига, переносит на скамью и укладывает в штабель. Новый автомат Соколовского не только увеличивает производительность кирпичных заводов, но и освобождает в кирпичной промышленности РСФСР до 40 тысяч рабочих.

— Ну, что же, — сказал нам Соколовский, — немцы хвалились, что их Мольтке сильнее, наши Суворов, американцы хвалились превосходством своей техники производства кирпича над русской техникой. А вышло так, что новые наш автомат-дядя поздравил хвалившую американскую технику.

Бывший майор улыбнулся и добавил:

— Надо бы нашим арагам запомнить хорошую русскую пословицу: «Не говори гол, пока не перепрыгнешь».

* * *

В первые часы мира после Великой Отечественной войны в рейхстаге состоялся первый конгресс наших единороссов Берлина. Под впечатлением мрачного здания звучали мелодии «Чайковского» и Глинки. Слушателями этого необычного концерта были солдаты и офицеры полка, взявшего рейхстаг.

В первом ряду слушателей сидела на полу два солдата, имена которых вскоре стали известны всему миру, — Герой Советского Союза Кантария и Егоров.

Над зданием рейхстага звело множество знамён и флагов. Их водрузили наши бойцы. Выше всех знамён развевалось на ветру знамя Победы. Водружённое Кантарием и Егоровым.

Оба солдата давно вернулись к своим мирным делам. Герои войны стали передовыми борцами за мир.

Мелитон Кантария после войны работает звеноэнергетиком «Меджана», Очамчирского района Абхазии. Он вырастая богатым урожаем, и правительство наградило его орденом Ленина. М. Д. Кантария — депутат Верховного Совета Грузинской ССР.

Абхазская республика, как и вся наша страна, успешно закончила послевоенную сталинскую пятилетку. В прошлом году было выажено 354 600 саженцев цитрусовых культур, 10 376 тысяч саженцев эвкалиптов, на 750 гектарах увеличилось чайные плантации, на 105,5 гектара — виноградники, на 2 тысячи гектаров — сады. Из 226 колхозов Абхазии 129 стоят миллиардными.

Во всех этих достижениях заложена большая часть труда бывших фронтовиков.

О ТВОРЧЕСТВЕ МОЛОДЫХ

НОВАЯ ТЕМА

В журнале «Сибирские огни» и в красноярском альманахе «Енисей» почти одновременно опубликован роман молодого сибирского писателя Николая Болкова «Наше родное».

З а последнее время всё чаще молодые писатели приходят в литературу с новой темой, вводят новых героев, обогащают представление о советском человеке наших дней.

В романе Александра Волошина «Земля Кузнецкая» воспеты сибирские шахтёры. Труд металлургов вдохновил автора романа «Сталь и шлак» Владимира Понова. С большим знанием дела воспроизвёл жизнь авторемонтных мастерских Анатолий Рыбаков.

Эпиграфом к роману «Наше родное» автор взял слова товарища Сталина: «...советская торговля есть наше, родное, большевистское дело, а работники торговли, в том числе работники привалки, если они только работают честно, — являются проводниками нашего, революционного, большевистского дела».

Героиня романа — обительная девушка Лена Байкова, вызывающая большую симпатию прямоты, искренности, преданности своему делу, — работает уборщицей в небольшом магазине, учится в школе взрослых и одновременно в торговой школе. С чувством большой ответственности готовится она к вступлению в комсомол.

Идея романа хорошо сформулирована в размышлениях Софьи Вильевны Круговой о Лене: «Быстро у нас растут люди, и расти им легко».

Лена, окончив торговую школу, становится продавщицей. Во время войны по наставлению рабочих, которые оценили её как работника, когда она в лютую стужу привозила продукты на завод, Лену назначают заведующей рабочим магазином. После того как она смело вывела ряд серьёзных злоупотреблений в орке и открыто выступила против начальника отдела рабочего снабжения Гронского, ей поручают заведовать большим универсмагом, занявшим первое место в социалистической соревновании, а затем посыпают в Москву учиться в Институте советской торговли.

Лена выросла в здоровом коллективе. Её воспитывали партийная и комсомольская организации, люди, преданные делу, чувствующие ответственность перед народом.

Софья Васильевна и Пётр Петрович Круговы, принимавшие близкое участие в ленинградской судьбе, Андрей Ильин Чёрнов, заведующий семидцатым магазином, где Лена начинала свой трудовой путь, директор торговой базы Калужский, который был для Лены идеалом партийного работника, комиссар Женя Козлова — все они учли Лену своим примером. Сохраняя во всю жизнь глубокое уважение к этим людям, она старалась быть похожей на них.

Обогащает образ Лены её верное, прошедшее через тяжёлые испытания чувство к Андрею Ильину, который к концу романа становится её мужем.

Не так часто молодые авторы правдиво пишут о любви, особенно о её внешнем проявлении.

А. С. Пушкин когда-то говорил: «Молодые писатели вообще не умеют изображать физических движений страсти. Их героя всегда содрогаются, ходят дико, скрежещут зубами и проч. Все это смешно, как мелодрамы». Эти слова можно отнести и ко многим молодым советским писателям.

Любовь Лены к Андрею Ильину выросла из её уважения к нему, из сочувствия к его страданиям, порождённым легкомыслением недостойной девушки Зои. Эта любовь возникла на большом расстоянии, когда Андрей Ильин был на фронте, а Лена в глубоком тылу. Письма Лены к Чёрнову и его письма к ней припадают к числу лучших страниц романа. В них просто и искренно, не столько в словах, сколько между строк, выражено большое, серьёзное, глубокое чувство.

Болков, так же как и другие молодые писатели, которые пришли в литературу уже обогащенные жизненным опытом, ввёл новых героев, открыл перед советским читателем ещё мало освещённую сторону жизни.

Но, как известно, не знание материала, а литературное мастерство определяет успех писателя. Болков не сумел отсортировать мелочей от существенного. Роман «Наше родное» перегружен не имеющими прямого отношения к развитию сюжета описаниями. Временами автор сбивается на тои доказательной записки, некоторые страницы напоминают хронику торгового предприятия.

Недопустима в тексте художественного произведения такая речь: «Чтобы скрасить неблагоприятное отражение своих закупочных опера-

ций на балансе орса, Гронский решил отыграться на других операциях». «Пока не было решения об организации орса на заводе «Босток», контингент завода сбрасывался городским тормогом...» и т. п.

В процессе роста дана только одна героя романа Лена. А ведь прошло шесть лет! Андрей Ильин вынес тяжёлые испытания войны, получил тяжёлое ранение, заново переосмыслил жизнь, около двух лет пролежав в госпитале. Вернувшись с фронта, он собирается опять стать заведующим тем самым семидцатым магазином, из которого ушёл в армию. В романе это не мотивизировано.

Одной краской нарисованы все отрицательные герои. Трудно поверить, что так долго в здоровом коллективе, который дан в романе, не могли выжить Гронского, не замечали лихмерии Тарусиной. Не оправдана ни дружба Лены с растратчицей Елистратовой, ни размолвка с ней.

У автора было хорошее намерение заклеймить примазавшихся к торговому аппарату нечестных людей, разоблачить их машины, но делает он это слишком примитивно, а потому художественное неудобительно.

Снимает ценность романа «Наше родное» изолированность героя от внешнего мира. Если торговых работников автор любит и знает, то к остальным он относится, как к чужакам. Виктор Шапкин, которым недолгое время была увлечена Лена, представлен начальником человека без определённых занятий, шкурщиком и циником. Поведение его на фронте и геройическая гибель не вяжутся с тем обликом, который был создан автором на первых страницах романа. Высокомерная и легкомысленная девушка Зоя, заставившая страдать Чёрнова, как-то очень неожиданно и неоправданно оказывается в числе добровольцев, едущих на фронт.

Из героев романа, не имеющих прямого отношения к работникам торговли, привлекатель, пожалуй, один лишь Егор, товарищ Чёрнова по госпиталю, благодаря которому Лена узнала о mestopreobrazvaniye любящего человека. Но это эпизодическая фигура в романе. Директор завода, с которым неоднократно встречалась Лена, — образ беззубого, положительного и заслуживающей внимания — даже не назван по имени.

Автор, словно чувствуя ограниченность своих героев, неоднократно упоминает о том, что они интересуются событиями, которые происходят в мире, читают книги и газеты, но ни разу не дал на своих героях возможности поговорить на широкие политические и общечеловеческие темы.

Напрасно автор так ограничил себя и своих героев. Хочется напомнить ему слова Алексея Толстого, обращённые к молодым писателям:

«Художник должен быть дарким, окрылённым величиями идеями нашей советской эпохи. И пусть его ждут ошибки. Ошибки — необходимый художественный опыт по пути создания великого. Дарование нужно всем нам в себе носить и утверждать... А вот тащиться по проторенным дорожкам с ужиками и ульбаками, примиряться, отдергивать руку, когда горячо, слушать направо и налево и так далее, — это не искусство, это — ремесло, предное и бессознательное ремесло».

Николай Волков пошёл по своей, непроторённой дороге, но пошёл недостаточно смело, не проникся чувством ответственности за каждое слово, не постиг ёщё законов писательского мастерства.

Первая книга молодого автора могла быть удачной, если бы редакторы журнала «Сибирские огни» и альманаха «Енисей» предъявили автору более обширные требования, если бы роман был более тщательно отредактирован.

Г. КОЛЕСНИКОВА

СТИХИ ИВАНА ФРОЛОВА

С молодым алтайским поэтом Иваном Фроловым большинство читателей познакомилось по его стихотворению «Телефонистка», напечатанному в журнале «Октябрь». Не только интересный скетч, послуживший поэту основой для стихотворения, привлек читателей. Привлекло многое: и естественная, свободная манера повествования, позволяющая богато использовать прямую речь и насыщенные конкретным содержанием строки, идущие друг за другом как бы в непринуждённом и в то же время обязательном порядке, и большая поэтическая правдивость, и огромное внутреннее тепло, взволнованность, искренность. Простая алтайская телефонистка соединяет великого вождя товарища Сталина с секретарём обкома. И для неё это — огромное счастье. Она взывала до глубины души, и непосредственно, по-девичиць, от всего сердца выражала она и свою чистоту и свою волею. Пoэт просто, без нарочитости и сентиментальности сумел рассказать об этом. Читатель верит каждому его слову, каждому движению и каждому слову девушки.

Убедительно и в высшей степени душевно звучат слова её, обращённые к товарищу Сталину и пронзительные ею про себя:

...Отец вы наш, учитель.
В такой вот поздней,
поздний час ночной
Все люди спят; а Вы один не спите.
Любимый наш,
Хороший наш,
Родной...

Стихотворение «Телефонистка» — прекрасное стихотворение. Оно сразу же налаживает дружбу между читателем и поэтом. Хочется читать дальше, знакомиться с поэтом глубже, всесторонне.

И вот мы листаем книжечку стихов Ивана Фролова, изданную в Барнауле, «Моя Кулунда». Одни за другими проходят перед нами его простые и скромные герои: мастер урожая, прядальщица, полевод, служащий в Москву с образцом первосортной алтайской шиншины, чабан, отправляющийся спасать в обычный путь с буханкой хлеба и номером «Правды», колхозник-ударник, пишущий (как хотел Маяковский!) стихи, ползещитники-мелитораторы, комбайнер, юннаты, пионеры и т. д. В лучших своих стихах поэт несомненно велик. Некоторые стихи содержат всего посемь — десять строк, но эти строки болеютостью часто наполнены глубоким смыслом. Вот, например, одно стихотворение:

Вдоль степного
Равнинного диксана —
Поэзия — к колесу колесо.
В грузинских «пупланах» —
Хлеб кулуаринский,
Из кулуаринского
Бурзинского соль.
А с тонких ладоней машут и машут.
Провожая свои поезда:
Это к Родине-матери нашей
С хлебом-солью идёт Кулунда!

Однинадцать строк, а стихотворение цельное, законченное, большая идея выражена образно, ясно и кратко.

Достойно, как видим, есть. Но многое ещё предстоит поэту сделать для того, чтобы заговорить ей всё выражательнее, ей сильнее, в полный голос. Помимо общих задач, стоящих перед всеми нашими молодыми поэтами, перед Иваном Фроловым сейчас, как нам кажется, стоят три особые задачи.

Разнообразие героев книги «Моя Кулунда» — хорошо, но это ещё не разнообразие тем. В книге нет стихотворений о борьбе за мир, нет горячих поэтических откликов на международные события. Очень хорошо писать об Алтае выразительно и интересно, но с Алтая надо видеть всю страну, весь мир! Поэтому необходимо расширять круг тем и, следовательно, разнообразить интонации своего творчества.

Далее. Не всегда ещё Иван Фролов проявляет качество, которое совершенно обязательное для каждого нашего поэта и которое, несомненно, есть у Фролова: чувство нового. Иногда он просто как бы выключает в себе это циничное чувство, что удача, разумеется, совсем плоха.

Так, в стихотворении «Озеро Яровое» Фролов пишет:

Озеро мое, не оттого ли
Наш в стени так дышит легко,
Что цветущий этой крепкой соли
Есть в крови у нас, сибирской!

Как правильно заметил другой молодой поэт Алтай, И. Ветлугин (журнал «Сибирские огни»), щепотка соли была в крови сибиряков и до революции, однажды им от этого дышалось, тогда не легче.

И Фролову необходимо предельно развить в себе чувство нового, которое сделает уже невозможным появление у него таких ничего не говорящих стихов и ей больше приблизит его к жизни.

И третью. Больше внимательности, большие ответственности при работе со стихом. Примером невнимательности и безответственности может служить стихотворение под гротескным названием «Коллектив», напечатанное в той же книжечке. Оно коротко — всего двадцать пять строк, — но прочно.

Содержание его таково. Легаты над землёй «больными и дружным строем» журнали. Путь им предстоит суровый, подчёркивает автор. Кто отстанет от строя, тот погиб, говорит он и тут же начинает из этой картины делать «глубокомысленные» выводы: ничего, мол, что одни погибнут, ведь в любом случае «с победой» возьмутся большой и дружный строй. Дальше автор сообщает, что «одни погибнут чёлка, но выживут они», что и муравьи живут коммунией и что

Не при нас учат в школе,
Что на любом пути
Один — не воин в поле,
А воин — коллегин.

Право же, между людским коллективом, тем более коллективом советских людей, и стаей птиц или роем пчёл ничего общего нет. Самое понятие «коллектив» противоречит понятию «стадо», уж это-то надо было бы поэту почувствовать! Подобной параллели никак не место в советской поэзии.

Эти большие задачи молодой талантливый поэт Иван Фролов, несомненно, выполнит при должной требовательности к себе, при более настойчивом изучении нашей советской жизни, лучших произведений нашей советской поэзии и прежде всего — творчества великого поэта нашей советской эпохи Владимира Маяковского.

Вл. КОТОВ

А. МЕДВЕДЕВ

«КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК»

Театр имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко поставил оперу композитора Кирилла Молчанова «Каменный цветок» (либретто С. Северцев). Отредактирован уже самим фактом появления новой советской оперы и её успех у слушателей, но вдвойне радостно оттого, что это успех талантливой молодёжи, создавшей волнующее высохудожественное произведение. Лишился в прошлом году окончания учебных заведений авторы оперы: композитор Молчанов — Московскую консерваторию, где он обучался в классе профессора А. Н. Александрова, поэт Сергей Северцев — Литературный институт имени Горького. Совсем недавно пришли в театр молодые певцы, исполняющие главные партии в опере, — Альдева, Потаповская, Шавинский. Эта молодёжь внесла в постановку задумчивость, искренность, простоту, атмосферу молодости.

В основу сюжета оперы легли несколько уральских сказов П. Бажова. Прекрасные образы русских людей, уральских мастеров-улейщиков, влюбленных в свою труд и страсти желающих счастья своему народу, стали близкими нашим дням, делам и по мыслим советских людей. Но удивительно поэтому, что к глубоко поэтическим богатствам уральских сказов обратились художники драматургии, театра, кинематографии.

Опера «Каменный цветок» создавалась в атмосфере деловой дружеской критики, которая помогала авторам в их поисках.

Что прежде всего хочется сказать, оценить оперу? Это то, что большая идея красоты труда, идея служения творчеством своему народу нашла своё верное, яркое воплощение в музыке.

Опера изобилует чудесными мелодиями, согретыми живым человеческим чувством. Мелодии эти легко запоминаются.

Каждый персонаж в опере выразительно окрахтеризован, и слушатель благодаря так называемой системе лайтмотивов легко ориентируется в сложной музыкально-драматургической структуре.

Ярче других окрахтеризована в опере Хозяйка Медной горы хранительница земных недр и тяж придоры. Она легко меняет свой обличье — то грозная повелительница, величавым жестом сдвигающая скалы, то живая и лукавая «рты-прекрасы», пересмеивающаяся с парнем... Такой изображает ее молодая артистка Л. Альдева.

У Альдевы сильное, удивительной красоты меццо-сопрано; её игра, а также и выразительные другие написанные партии выдают этот образ на первое место в опере, что несколько противоречит общему замыслу.

В целом удивительно исполняет артист Шавинский трудную партию Дениса. Следует отметить, что образ Дениса получился менее ярким, чем бы сравнивать с другими образами оперы: в партии много риторики и общих фраз.

К числу оперы можно отнести скромный, но сильный и волевой образ Кати (артистки Смирновы-Немирович и Потаповская). Как интересно вёл композитор зор и голос Кати в 4-й картине (подземное царство), когда измученной работой Даниила падает без сил и вдруг слышит откуда-то сверху песню девушек и среди них кристально чистый голос Кати, ставший для него голосом земли: «Цветы вокруг; для тебя, мой друг, чтоくん сплетают...!» Убедительно решены в опере образы Прокопчика и призрака. Завораживает разгульный хор лыжных ватажников.

Важным положительным качеством музыки является её красочность. В опере два оркестровых эпизода: рассказ на Земной горе (начало 2-й картины) и расцвет Каменного цветка (4-я картина). Оба эпизода принадлежат к лучшим местам оперы, и приходится только сожалеть, что музыкально-изобразительная картина не получила дальнейшего развития.

Во многом способствовала успеху оперы работа художника Б. Ердмана. Сцена рассказа на Земной горе сделана превосходно, в последних двух картинах художник умеет решать и компоновать, кажется, одну и ту же задачу. После захватывающего убранства подземного дворца Хозяйки нужно было показать красоту совсем другой земли — скромную, непрятливую, глубоко поэтическую красоту русской природы, забыть которую не может Даниил и которую он не променяет ни на что другое... И вот прозрачная тышина осени, жёлтые берёзы на краю леса, берег тихого лесного озера, нежноголубого, медвежиного, уходящего далеко-далеко в бесконечную синь, где сходятся воздух и вода... И зал аплодирует художнику.

В опере есть и ряд недостатков. Композитор ёщё слабо пользуется разнёрливыми вокальными ансамблями, сравнительно мало использован хор. Но всюду на высоте режиссура оперы (постановщик — заслуженный артист РСФСР В. Бласов, режиссёр — народный артист РСФСР М. Мельцер).

Однако в целом опера «Каменный цветок» — сочинение, продолжающее и развивающее лучшие традиции русской классической оперы.

Сцена из оперы «Каменный цветок».

Фото Г. Борисова

Прыжок с трамплина.

Фото Д. Шоломовича

В ОДИН ИЗ ДЕКАБРЬСКИХ ДНЕЙ...

Петр Винц — молодой и талантливый немецкий прогрессивный писатель, член Союза писателей Германской Немецкой Академии, сотрудник в прессе. Петер Винц опубликовал ряд произведений, посвященных борьбе за мир.

СУКХОНЬ

Это было в один из декабрьских дней 1950 года, когда солдат корейской Народной армии Шу Ен обратился к своему командиру с просьбой разрешить ему отлучиться на три-четыре часа.

— Я из Сукхоня, — сказал Шу Ен, показывая на видневшиеся в северо-восточном направлении пологие склоны гор.

Командир заметил, как дрожала рука солдата. Там, над городом, клубился чёрный косматый дым, поднимаясь вверх, как огромный гриб... Вчера американские бомбардировщики обрушили на этот маленький, беззащитный город десятки тысяч бомб...

Ты должен вернуться к вечеру, — тихо сказал командр, посмотрев солдата в глаза. — Ты воин знамени, тебе надо двигаться дальше... Враг бежит.

Шу Ен утвердительно кивнула.

— Враг бежит! — повторила он.

Луч света скользнула по его лицу, но это не было отблеском солнца с холодного, затянутого пеленой зимнего неба. Шу Ен зажинула на плечо зиновийку, попрощалась и ушёл туда, где раскинулись горные склоны, окутанные зловещим облаком дыма.

Командир смотрел ему вслед. Он знал Шу Ен так же, как каждого солдата из своего подразделения. Он вспоминал, как часто рассказывала ему Шу Ен о своей жизни в деревенских детях, и у него зачмело сердце.

Когда первыеочные первые тени упали с гор на долину, Шу Ен вернулась. Он дожидался о прибытии и хотел встретить на своё место, так как начиналось наступление. Но командир удержал её, дружески взяв за руку. В глазах солдата он прочёл, что случилось: что-то страшное.

— Шу Ен, никого не осталось? — спросила он. — Все... все погибли?

— Все, — ответила Шу Ен, и лицо её слезло каменным. — И оба мальши... все погибли...

Его слова звучали, как сухой треск камней на морозе.

— И ничего, ничего у тебя не осталось? — спросил он. — Все... все погибли?

Шу Ен сидела с ответом. Уже стемнело, и в темноте командр увидел, как изменился выражение лица солдата. Оно смуглело, словно обэрнённое каким-то внутренним светом.

— Нет... —тихо прошептала Шу Ен. — Одну вещь мне удалось вытащить из-под развалин.

Он вынул из мешка, висевшего у пояса, маёвскую коробочку и открыл её. Она была почти пуста: лишь пара детских ленточек, браслетик и портрет. Шу Ен вынула портрет и протянула его офицеру.

— Вот, — сказал он. — Это наша победа. И мир.

Шу Ен встала в строй и снова спрятала в мешок коробочку, в которой заключалась всё его достояние. Всё достояние корейского солдата: несколько вещей в память о погибшей семье и портрет — символ победы и мира.

Портрет Сталина.

НЬЮ-ЙОРК

Это было в один из декабрьских дней 1950 года, когда Джекс Уистлер поставил ногу на линии малого посольства чистильщика, расположившегося во дворе дома на углу 93-й улицы в Нью-Йорке.

Уистлер был в хорошем настроении: ему удалось сорвать на бирже крупный куш. Он покупал различные товары, продавал их, потом снова покупал и перепродавал, никогда не видя этих товаров и даже не зная, существовали ли они вообще. И на этом он зарабатывал огромные деньги. Ему хотелось приобрести из них акции военных предприятий: ведь так много людей обогащалось во время войны, а он Уистлер, был не лучше других. Тихо посвистывая сквозь гнилые зубы, он бескомпромиссно пилал, глаза на курчавую круглую голову птицы.

Живее покровчивающей, черномазый — крикнул Уистлер и нетерпеливо дёрну ногой.

Негр приподнялся тёмнокоричневое лицо и улыбнулся. Его руки проворно мелькали: щётки, бархатка, щётки.

— Меня зовут Близзар, мистер, — сказал негр. — Близзар — так называют меня все. Я работает быстро.

— Заткни глотку! — грубо буркнула Уистлер.

Он слегка изложился и поднялся, лежащую на книгу, спрятанную под трапезами. Он подняла эту книгу просто так, от чего делать нечего, и медленно раскрыла её.

— Это ты читаешь, черномазый? — спросила Уистлер.

Близзар поднял голову. Лицо его перекосилось от страха, когда он увидел книгу в руках белого. Щётки и бархатка выпали у него из рук. А стоявший перед ним толстый человек поднял ногу, и грубый ботинок тяжело обрушился на негра.

— Проклятье! — вскричал Уистлер и, приподняв лежащего на земле юношу, в беспечности начал его избивать, нанося удары

книгой и кулаком в мальчишеское, искажённое от боли лицо.

В дверь быстро собралась гоготущая толпа зевак. Плаки и кулачки мелькали в воздухе: когда бьют ноги, никто не спрашивает, за что. Сквозь толпу пронеснулся дождь польмийский.

— Коммунист! — зопча Уистлер с пеной у рта. — Чёрное коммунистическое отродье! — И продолжал наносить побои.

Все стороны поглядели какающими книжками. Близзар, запыхавшись, тщетно пыталась вытащить её у Уистлера. Наконец он упал ничком с тихим, приглушенным стоном и больше не шевелился. Его оттаскали в глубь двора, как кучу рухляди.

Только к вечеру знакомые негры-чистильщики, освободившие участок потерянного сознания Близзара. Один из них выпустил из его судорожно скованных рук кусочек бумаги и, прочтя то, что было на нём написано, показал другим. Они переглянулись между собой, покачав головами.

— Вот почему...

В их темных, печальных глазах заблестел луч надежды. Они знали, что это была за книга, которую читал Близзар.

На обложке ее стояло: Сталин.

ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН

Это было в один из декабрьских дней 1950 года, когда плотно закрылся тяжёлый, окованная железом дверь. Ещё раз затермели ключи, а потом стало слишком, как удалялись затихающие шаги дядилатера.

Бернгард Шварц закрыл глаза и зажал уши. Эта типина кричала. Она кричала так громко, что, казалось, звуки вились в голову, причиняя невыносимую боль.

Три месяца! Это значит девятнадцать дней. Это тюрьма.

А ему было только шестнадцать лет... Три месяца. Бернгард Шварц! Три месяца четыре шага вдоль и три поперёк. А дальше некуда. Конец. Сорая стена. На-вверху, под самым потолком — мальчишеское окошко, прикрытое навесом так, чтобы свет проникал только сверху. Решётка. Откладная кровать, туберкуль. Это тюрьма. Три месяца. Бернгард Шварц.

Бернгард Шварц подсюхнул на табуретке и синул руки коленими.

«Что я сдала? — думал он. — Что я совершила такое? Собирая подпись под Стокгольмским воззванием? Подпись за мир. И это называется преступлением? Прокурор и судья утверждают, что это — преступление. И за это три месяца?..»

Он плотно сомкнул губы, закрыл глаза и уши, чтобы не слышать тишину. Но мысли прогнать не уддавалось. Они приходили и мучили его, унылые, малодушные мысли.

Юноша прикусил губу. Только не сдавайтесь, — говорил он себе. На дядя других выглядели более тяжелые, более страшные испытания. На дядя других... Один из них, тот, кого он беспредельно уважал, кого он любил так, как любят своего отца. Он вспомнил картины, которую видел недавно в одном журнале. Теперь она снова вставала перед ним, живая и ощущаемая. Суровые айки солдат с длинными шинками, томпаки лебоподобных зверей, в центре скорбное шествие — бородатые с прорваными щеками артисты. Узниками русского царизма.

Сталин поднялся с кресла.

Да, Сталин был среди заключенных в избранных на пачки пиджаке, но в глазах его светилась победа. Победа!

Долго, долго видел перед собой Шварц эту картину. Потом он открыл глаза и улыбнулся. Встая, посмотрел вокруг и снова улыбнулся. Сделав несколько шагов четырьмя шагами, три поперёк. А дальше — искуда. И так три месяца. Но он улыбался. Поглощён к стене, в которой было пробурлено окно, и на тусклой-серой штукатурке выцарапал потем одним слово.

Одно-единственное слово, которое заключает в себе весь мир: Сталин!

ХЕМНИЦ

Это было в один из декабрьских дней 1950 года, когда ученику токаря Отмару Краузе пришлось пережить самый волнующий момент в своей жизни. Это был обычный день, не сказанный и не мрачный, не склонный скучноватым, какими всегда кажутся дни перед рождеством.

Их всех затащили в большую пекарню мастерской, устроенной под мастерской. И тогда все они увидели чухо наизулу. Настоящий чудо-влахолепецкий в стройном черноволосом человеке, с умным худощавым лицом. Это был токарь, каким будет вскоре и Отмар Краузе. Но что за токарь!

Он жил уже в 1970 году, — прошептал маленький паренёк Функ и подтолкнула Отмару в бок. — Он выполнил уже четыре пятилетних плана! — И Функ от волнения засопел носом.

Да, перед ними стоял советский токарь Павел Быков. Он орудовал у станицы, смаялся, а затем, аставив деталь, пустил стакан. В цеху зазвонил звонок. И никто не хотел слушать этого, не мог верить, не мог видеть это своими глазами. Седовласые испытанные мастера были в восторге, а ученики просто ошеломлены.

Это было чудо, которое невозможно сплыть словами. Они видели перед собой человека с кудесными одужкотворёнными руками, человека, который стремился к будущему, скимая годы.

Они видели перед собой токаря Павла Быкова.

Отмар Краузе пробрался вперёд. Он видел, как Быков вынул деталь из стапки. По цеху прокатился гул. Глаза мальчика вспыхнули, чешуйки на щеках поблескивали.

— Это чудо! — проговорил Отмар.

Быков улыбнулся, наклонился вперёд. Ему перевел слова мальчика. Тогда он попрощался Отмару по взаимоизмененной голове и стоя совсем серьёзным.

— Нет, — сказал он. — Это не чудо. Это... просто у меня есть хороший учитель, паренёк, самый лучший учитель.

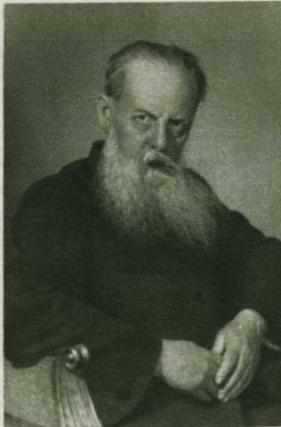
— Кто же это?

Быков посмотрел вдаль, поверх голов сбравшихся людёй.

И не было ни одного человека в этом цехе народного предприятия Германской демократической республики, который бы ему поверил, но поверил так же горячо, как ученик Отмар Краузе.

Человек, который подчиняет себе будущее... Сталин.

Переведен с немецкого М. ЗЕЛЬДОВИЧ и В. СТЕЖЕНСКИЙ

Павел Петрович Баков
(1878—1950 годы)

СЛОВЕСНЫЕ ИЗУМРУДЫ

Демьян Бедный
об «Уральских сказах»
П. Баков

Среди неопубликованного литературного наследства Демьяна Бедного имеется работа, выполненная им в 1939 году под впечатлением прочитанных «Уральских сказов» П. Бакова. Пост переложен в стихи и предвидеть склонил две главы из «Уральских сказов», включая «Малахитовая птичка».

«Смыкал он эти сказы и легенды,—

рассказывает Д. Бедный о Бакове,— в своей ранней молодости на Полевском заводе, где он в 1890—1900 годах жил. Смыкал их ему и другим ныне здравствующим его сверстникам, на которых он ссылается, старый рабочий Вадим Алексеевич Хмелевин, сказитель, понтий, исклучительный. Артист своего дела».

Демьян Бедный приводит в дальнейшем интересную справку из книги «Россия», выпущенной в 1914 году под редакцией В. Семёнова и Гин-Шанско.

Вот что там говорится о Полевском заводе: «На восточной стороне завода возвышается гора, известная под названием Думной... В станицу на неё был медный рудник. Относительно названия горы существует предание, что Думная гора названа так «по причине высоты наной обходящей для соглашения между собой забугристовавшихся во время заложения сего завода рабочих».

...В семи верстах от завода, в первых числах Полевой, находится гора Азов. В горе прежде было пещеры искусственного происхождения... Говорят, в старину в этих пещерах жили разбойники. Среди местных жителей про пещеры ходят массы рассказов ономастического характера. В особенности популярна легенда о «девке Азове», стергущей в горах клады.

Именно эти легенды «о забугристовавшихся рабочих» и о «девке Азовке» оказались в сказах В. Хмелевина — дедушки Смышка, который сказывал их ребятишкам во время иночного караула на Думной горе у Полевского завода.

П. Баков посчастливилось долго пожить на этом заводе — в месте, насыщенном сказами и легендами.

«Индивидуальный «горный мастер» фольклорного цеха! — воскликнет Демьян Бедный. Словесная его одарённость и знание областной премии таковы, что я напрягал все усилия, только бы не уронить ни одного из тех словесных изумрудов, которые так щедро рассыпаны в его записях.

А. М. Горький, — продолжает Демьян Бедный, — как-то сказал: «Индивидуальный гений не дал ни одного обобщения, в корне коего

не лежало бы народное творчество, ни одного мирового типа, который не существовал бы ранее в народных сказках и легендах».

Уральские сказы и легенды как нельзя лучше подтверждают эти слова. Индивидуальный гений не мог создать таких сказов. Они создавались поколениями уральских горнорабочих: при тяжёлых условиях, когда сказывать эти сказы приходилось тайно. Рабочих за них подорвали и ссыпали на катоги. Эти сказы давали выход ещё не вполне осознанной в то время классовой идентичности, вносили в беспросветную жизнь горнорабочих элементы мученичества, неожиданные надежды на возможное избавление, веру в счастливое будущее.

Демьян Бедный подчёркивает в своей статье о Бакове, что основная черта «Уральских сказов» — это их революционная напряжённость и неокорумпированный оптимизм.

«Богатство содержания сказов, многообразие и красота образов — поразительны, — пишет Демьян Бедный. — Сколько великолепных добродетей для мастеров резца и кисти, для драмы, оперы и балета, а при книге и говорить не остается».

Кто-то из критиков была подмечена циклическость сказов. Я думаю, что мы имеем право сказать больше: в сказах налицо все элементы, дающие нам основание признать их в целом эпопеей. Да, это героическая рабочая эпопея! Такие они производят впечатление единство своей тематики».

Демьян Бедный не скрывает, что к своей оригинальной работе над сказами он приступил не только с восторгом, но и с робостью.

Над своим переложением в стихотворной форме сказов Бакова поэт работал, по его словам, «с напряжением, порой изнурительным, и с некоторым страхом перед тем, что произойдет в этих чудесных героических сказах о страданиях и борьбе доблестных предков наименшего исторического поколения уральцев».

Демьян Бедный не ошибся в своём предсказании: действительно, чудесные «Уральские сказы» послужили вдохновенным материалом для драмы, оперы и кино.

Это утверждение не ново для читателя. Но впервые через пять лет после смерти выдающегося поэта читатель узнаёт, что поэтические обрывки из «Уральских сказов» Демьяна Бедного использовал для ряда поэм, но отметил при этом, что быть на уровне сказов П. Бакова — «дело трудное».

В. РЕГИНИН

Публикуются вступление Демьяна Бедного к его стихотворному переложению «Уральских сказов» П. Бакова.

«УРАЛЬСКИЕ СКАЗЫ»

(По П. Бажкову)

Это сумрачный лес, а не розовый сад:
Всё живёт в нём таинственно и суеверно.
Дед — всеми видом колдун, сед, как луна, волосат —
Этн сказы рассказывал эдак примерно
Лет погоньше назад.

Есть про эти таёжные погоды:

На горе было Думной — стояла там будка —
Дед Василий ночной караул в ней держкал,
Он себя в караул свой детям окружкал,
Быстро ногами да отстроглазымки
Шалуны-проказники.

Привлекал он их тайными сказами

Про Хозяйку ли Медной горы,

Миф про Половца, или про Змёбаку,

Или про Красную волчицу.

Если кто из прыгнувших к нему детворы

Станет деда просить: «Расскажи нам сказки!» —
Дед гневався — для виду (он знал одну ласку) —

И того, кто про сказки ему говорил:

За его непонятливость мягко журни:

— Сказку, ты говоришь? Сказка, так я tolкую, —
Это, ежели тем про попа, попадью;

Так раненую тебе нюхать эту кутью;

Надо знать, чем породил на свете не гож,

Почему у господ, всё из бахрата-шайки,

А вот мы живы ребя, а без толку,

Не веззимки все живы из рогом;

Почему в топоре виду корыстной зарзы,

Почему топор-мачта хладит под ноги?

Только это, мой голубь, не сказки, а сказы,

Побывальщины томки,

Их не всякому скажешь. Тут надо с опаской.

Нет, не смешивай сказы со сказками.

Сказ про тайные сны с умом надо вести,

— Разве тайные сны-то, дедушка, есть?

— А то как же?

— А вот объясняли нам в школе...

— Ты учись да ума набирайся поболе,

Дураком не стоять чтоб у всех позади.

Стариков же, однече, того... не суди,

Как никлось на постыло,

Продолжалось же жить как страдать.

Молодежи же, веселое было

Всё за правду считали.

Ты и слушай, что в сказах и как говорится.

Подрастёшь — сам поставишь значок,

Кое в сказках-то был, кое в них небылица.

Так-то вот, мальчики!

Слушать сказку такую...

Ну, а сказку совсем на иное лицо —

Там про дедушку-бабушку

Да про курочку-бабушку,

Чтонесла старикам золотое яйцо,

Или про то, как свою птичку кольцо

Уронила царевна, купаясь в речке,

А его золотые рыбинки хранит;

Эти сказы старуха бубнит

При каждом случае, на почве,

Эти сказы ты слушай уже заготовля,

Да и сказывать их в совсем не умею,

Позабыла я все сказки, которые знала.

Вот про старую жизнь — тут я память имею.

Много слышала я от своих стариков,

Да и после съехал, от других знакомых,

Тоже на людях жил я, поди-ко:

Поносился на себе синявов,

И в канавах топталы, и бил немало,

Всико, друг мой, бывало.

Всё было — и солнце и славь,

Вон тебе ещё сколько помянуть до слов,

Я и не знаю, у меня беру на засос —

Это, братец, не вспомни, позабудь.

В этот колокол наш наяривал отбраться.

Клад съскав, ты останешься снова без клада,

Коль его ты в дырявую сунешь суму.

Понимать это надо:

Что к чёму.

Демьян БЕДНЫЙ

Учащиеся 3-й средней школы г. Минска Саша Демидов, Валерий Попов и Люда Монахова под руководством учителя Финави И. Ф. Криона готовят наглядное пособие к уроку.

Фото В. Вехотко

ОН ОБРЕЛ РОДИНУ

Но Грушевской узине в Минске стоит красивый двухэтажный особняк. В нём размещают детские дома № 2 и 3 для детей, родившихся в годы, оставленных без родных в годы Великой Отечественной войны. Всё в этом здании придумано для уединения и работы. Мальчиш-негр крепко подружился с русским ребячонком.

Темной осенней ночью 1945 года группа русских мальчиков совершила побег из лагеря. Они проникли через все контроверты и перешли демаркационную линию и вышли в советскую зону оккупации. Вместе со своим товарищем избежали генцидов и негритянской маечинки.

В советской зоне сердечно встретили ребят, помогли им доехать домой.

— Ну, а ты куда поедешь? — спросил один из ребят.

— В Советский Союз, где живёт Стalin, — ответил он.

Большинство из мальчиков, оставленных в лагере, были из семей, потерявших родителей в годы войны.

Илья Демидов рассказал историю своего побега мальчишам.

Ему было три года, когда отец

сторожил, погиб во время штурма.

Мальчик остался один. Его приютила учительница. Потом началась война. Пришли гитлеровцы. Они

схватили мальчика, избили, и вместе

со многими другими узниками

бронзовали на полную проволоку.

Затем его обнаружили в лагере, перевели в другой лагерь, в Германию.

По окончании войны Илья оказался в американской зоне оккупации. Но положение заключенных отнюдь не улучшилось: их попрекнули держкали за преступления. Он

ненадолго пыльнулся американским офицерам приходил в лагерь, стоял, потешался над мальчишами-неграми. Они

били его по лицу, изгнали сквозь

заключенными, а затем привели его к помещику. Мальчиш-негр работал. У помещика было много и других невольников. Работали здесь и русские, и евреи, и поляки, и финны, которых утинали в рабство. Мальчиш-негр крепко подружился с русским ребячонком.

Темной осенней ночью 1945 года группа русских мальчиков совершила побег из лагеря. Они проникли через все контроверты и перешли демаркационную линию и вышли в советскую зону оккупации. Вместе со своим товарищем избежали генцидов и негритянской маечинки.

В советской зоне сердечно встретили ребят, помогли им доехать домой.

— Ну, а ты куда поедешь? — спросил один из ребят.

— В Советский Союз, где живёт Стalin, — ответил он.

Большинство из мальчиков, оставленных в лагере, были из семей, потерявших родителей в годы войны.

Илья Демидов рассказал историю своего побега мальчишам.

Когда была объявлена демобилизация, бойцы взяли с собой и Сашу.

Саша Демидов был демобилизован. Группа ребят, с которой он ехал в Германию, перевели в другой лагерь, в Германию.

По окончании войны Илья оказался в американской зоне оккупации. Он хорошо изучил русский язык, изучил фотографию, увлекается музыкой. Саша — лучший физкультурник детского дома.

Осенью прошлого года в жизни Саша Демидова произошло большое событие: его приняли в члены ВЛКСМ.

П. ТОРМОСОВ

Саша Демидов показывает товарищам, как надо собирать модель планера.

Фото П. Новаторова

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ — ЗА МИР!

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

На сцене полуокругом, плечом к плечу, стоят студенты в различных национальных костюмах и на разных языках поют «Гимн демократической молодёжи».

Так начался в Московском педагогическом институте имени Ленина студенческий вечер, посвящённый дружбе между молодёжью Советского Союза и стран народной демократии. Вечер принял участие студенческие самодеятельные коллективы многих стран.

...Вот на сцену выходит китайка Чжу Мин. Смоляки Альпийцы, и она запела. Ей, наверное, никого не приходило в голову передать свою песню другому. Эритреи поют пакистанскую, но хорошо чувствуют и понимают песню...

Поют свои песни советские студенты, поют о широком приволье родной земли, о счастливой юности, поют «Студенческую» о своем будущем, о большом счастье труда. На сцене русские, грузины, азербайджанцы; они читают стихи, танцуют. Украинский гопак с его весёлым перезоном сменился стремительным башкирским танцем.

Студентка Григорьева из имени коллектива института приветствует студентов-альбаниев с гостинойю обострением Албании от фашистских захватчиков.

Альбиец Бедри Дельма читает свои стихи, посвящённые миру, затем вместе с Огур Попа поёт албанские народные песни.

Национальный туркменский танец в исполнении Нины Рязаневой.

Смуглые девушки-испанки Адель Мартинес, Пилар Хименес, Тереза Пейрен, одетые в пестрые, яркие национальные костюмы, под аккомпанемент кастаэньет исполняют национальный танец «Испанскими волами» на праздничном темпе, под восхищённые восхищённые аплодисменты зрителей они повторяют его несколько раз.

Со своими песнями и плясками выступили студенты-румыны. Александр Дощук читает стихотворение-призыв «Во имя мира, подпись», Георгий Майбурску декламирует стихи о Москве.

Испанский танец исполняют Адель Мартинес, Пилар Хименес и Тереза Пейрен.

На сцене появляются корейцы У Кен Сух, Ли Да Сун, Ким Сон Чи. Им устраивают долгую и горячую овацию. Весь зал встает. Раздаются возгласы: «Да здравствует Корея!», «Слава корейскому народу!»

Корейцы поют песни о своём национальном вожде Ким Ир Сене, о мире, исполняют свои национальные песни.

На сцену собираются все участники вечера. В своих национальных костюмах они составляют удивительно яркую и живописную группу. Под разнёрнутыми знамёнами все они — русские, чехи, болгары, украинцы, поляки, грузины, венгры, азербайджанцы, китайцы, кореи — поют «Гимн демократической молодёжи».

А. ПЕРШИН

Борьба за мир — наименование всех дела и помыслов советских людей. Одним из многих свидетельств этому служат слагаемые ими стихи и песни, которые, как правило, не поддаются досугу, после напряженного трудового дня, рабочие и колхозники, студенты и работники учреждений, находившиеся в свободное время в школах. Стихи выражают глубокое чувство, искреннюю любовь к родине, к народу, к всему, что является свободолюбивому человечеству. Они проникнуты звучанием пребрежения и искренней любви к миру. Десятки таких стихов ежедневно поступают и в редакцию нашего журнала.

Одни лишь названия произведений молодых авторов служат убедительным подтверждением подлинности миросозерцания советской молодёжи: «Да будет мир и процвета война!», «Марш боцоц за мир!» — так называют свою песню юноши из Краснодара («Дессы»); «На вахте мира», «Мир отстоит!», «Я не хочу войны», «Мир — это счастье», — так называет Иван Кузнецов («Новосибирск»). Том Каиновен прислал стихотворение «Сталин — за мир!» — песня Петра Беликова («Иркутская область») называется «Наша война не поднимайтесь». Участники первых строке коммунизма на Волге, бывшим боевым защитником её берегов, прислали стихотворение К. Година (Харьков) «Солдаты мира». Член Союза писателей СССР № 12 Алексей Артеменко («Воронеж») прислал стихотворение «За мир». «Я не хочу войны» — называла свою песню юноша Мария Петрова. Её слова просты, но беспредельно песенны. В них трепетная любовь к миру, тревожная любовь к будущему мира. Она говорит так матерью:

«Я не хочу войны. Я — мат. Мне нет расчёта Своих детей под пушки послать, Чтоб умонаследие долгоруко...
Чтоб в Вашингтоне — стоять и смотреть, За прочный мир я отдала свой голос, Чтоб цвёл мой сад под небом ясным, Голубым И наливалась в поле спелый колос, А над Уралом стоялся дом, Чтоб мир царил на всей родной平原е...»

Евгений Зибораль — работник Орловского областного радио, автор стихотворения его героя стихотворение «На линии огня» выступает от имени бывших фронтовиков Великой Отечественной войны. Глубоким звучанием голоса его слова:

«И пусть меня числят теперь запасным, И сирые потоны с мундира — Я вместе с другими Бойцами рядовым Сего дня на линии мира!»

Автор стихотворения «Слово фронтовиков» — 26-летний инвалид Отечественной войны Михаил Саракян («Оренбург») — спикер — советского члена Всемирного конгресса стронинцев мира — выражает склонение думы о великом народе-сози-

дателе:

«Жить хочу и трудиться вволю, Счастье прочно создавать. Это право и не позволю никому у меня отнять. Я рожден, чтоб творить и строить. А не рушить и убивать.»

Борьба всех народов мира за свободу и независимость советских людей — это борьба за мир, это самое яичное, кровное дело. С особым сочувствием и волнением следят за борьбой героического корейского народа Михаил Жандаров пишет:

«Невозможно быть спокойным мне, Когда в Корее льются кровь народа В затяжной Америкой войне».

«Я слышу твой голос, родная Корея!» — обращает к ней слова любви и привета рабочих Киргизии. Студенты из Киргизии, Народу-жизни — посыпаючи стихотворение «Сталин — 17-летний Героюты Юстинской» 17-летние Героюты Юстинской средней школы.

В стихи, сражавшиеся Кореи с американским танком, подали свою мордуху советской и корейской народов. Запоминается строчечка: «Сталин — 17-летний Героюты Юстинской» 17-го курса Харьковского университета. Русский и корейский народы после боя возвращались домой. Ли Гон поозвал другу письмо с родиной:

«Бесконечный ряд знаков и точек... Нет и нему не нужно писать... Знаем, друг... В любой из этих строчек Горя Ли и скорбь своего народа. И тогда, забыв о всех прочих, проклятых... Русский мальчик крепко обнял друга. Были они внешне непохожи, Но родные братство друг для друга».

Страна едины — счастье... Зажигают в них сила беспрекословия и неискоружима. Товарищ Сталин — великий знаменатель мира. Таковы были мысли советских писателей прошедшей молодёжи поэтов.

И простым людям всего мира обратился писатель имени Губкина Владимир Афиногенов:

«Будем же вместе бороться, товарищи, За то, чтобы племя не исчезнуло в веках, За то, чтобы люди спокойно жили, За то, чтобы люди трудились, За то, чтобы наши племена — колонии, Чтоб и коммунизм дорогой прямой Сталини Великии нас вёл в счастье!»

Воинственно-сражавший Ладонин пишет: «Я, друзья, сильные, все прыгать нечего... Был я у испанцев, был у патагонов, посетил Грецию, Мексику... Но солдаты Сталини — это солдаты! Сталини — это счастье! Сталини — это мир!»

«Голос правды, свободы, мира Не купить, но заткнуть, не убить! Чтобы мир до конца переделать, Чтобы выиграть битву за жизнь, Ежедневно и каждым Голосуите за коммунизм!»

Эти слова взяты из стихотворения «Я, гражданин Советских Социалистических Республик, голосую!» студента МГУ Д. Огнева. Но стихотворение пакистанской поэтессы, посвящённое народу Ставрополья — 2 марта 1959 года: «Да здравствует народ Ставрополья! Да здравствует Верховный Совет СССР и в местных Советах...»

Социально-политическое единство советского народа, его сплоченность вокруг великого знаменосца — Ким Ир Сена, это сила, которая движет народом, это сила, которая, имея силу, о которую разбояются кровавые замыслы врагов мира. Именно об этом говорят простые, бесхитростные строки стихов молодых авторов.

Зимний стадион во время соревнований на первенство Советского Союза по волейболу.

Фото Ю. Шаламова

Когда попадаешь в этот огромный зал, не верится, что на улице лютый мороз. Сосем как летом, в жаркий день, на гаревой дорожке — легкоатлеты, преодолевающие барьеры, на поле — футболисты, посыпающие мячи в ворота. В самом конце зала азартно сражаются юные баскетболисты.

Занимающихся спортсменов так много и так им привычно, что стены как бы раздвигаются, и кажется, что это не стадион под крышей, а один из ленинградских стадионов, расположенный где-то на островах.

Прошло немногим больше двух лет с тех пор, как был открыт зимний стадион в Ленинграде. За это время здесь состоялись множество различных всесоюзных и городских соревнований. Мерялись силами гимнасты, легкоатлеты, боксеры, волейболисты, акробаты, баскетболисты. Но самое главное — стадион даёт возможность готовиться круглый год легкоатлетам, совершенствовать своё мастерство и юным воспитанникам спортивных школ — будущим чемпионам. Здесь, на зимнем стадионе, начинали свой спортивный путь многие молодые легкоатлеты.

Сегодня два часа занимается известная всей стране школа славленного мастера спорта Виктора Алексеева. У него сто пятьдесят учеников. Преподают в этой школе, помимо Алексеева, его бывшие воспитанники, благодаря чему достигнут единый метод подготовки легкоатлетов.

— Дальше, дальше! отводят руку, Света, вот так, — и Алексеев отводит руку ученице школы — Светлане Плахиной.

— В дневниках канцелярии Плахина участвуют в соревнованиях, рассказывает Алексеев. — Сулья, увидел её, удивился: «Откуда такая малышка? На что расчетывает тренер?». Но через минуту — другую судья смущённо замечал: «малышка» установила новый рекорд, толкнув ядро на 9 метров 97 сантиметров...

...С потолка спускаются сетки. Наступило время тренировки футбольной команды «Зенит». Тренер Георгий Ласин кидает мячи, и Маротин, Пшеничный, Иванов начинают бить по воротам. Тут же рядом другая группа футболистов тренирует удары по мячу головой. В нынешнем году команда «Зенита» пополнилась молодыми игроками из заводских коллективов. Сейчас

СТАДИОН ПОД КРЫШЕЙ

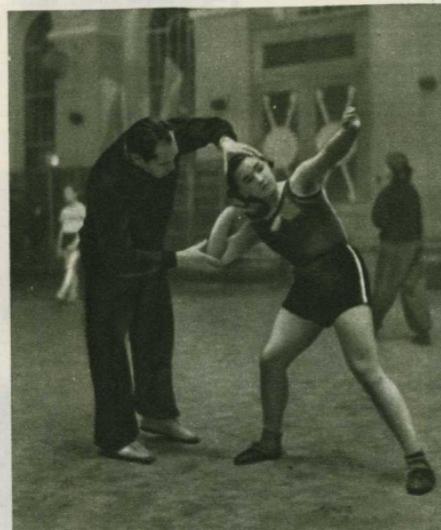
Е. ЕВГЕНЬЕВ

они вместе с мастерами изучают технику и тактику, проходят общеспортивскую подготовку.

Одновременно с командой «Зенита» на гаревой дорожке тренируются футбольисты ленинградского «Динамо». Растигнувшись длинной цепочкой, пробегают они круг, круг, третий. Среди динамовцев

нет игроков основного состава — Софронова, Дементьева, Бондаренко: у них экзамены в высшей школе тренеров.

Диктор объясняет по радио:
— Сейчас 18 часов 55 минут. Через пять минут заканчиваются занятия студенты педагогического института имени Герцена.

Заслуженный мастер спорта Виктор Алексеев и его ученица Светлана Плахина.

Фото Л. Коровина

Ровно через пять минут их смениют мастера лёгкой атлетики чемпион Европы Валентина Богданова, чемпион СССР Юрий Литвин, Иван Семёнов.

Литвин ставит четыре барьеры. Тренер Литуева В. Садовский тщательно измеряет расстояние между барьерами. Наконец приготовления закончены.

— Внимание! Марш! — командует Садовский и тотчас пускает секундомер.

Литвин, взял старт, преодолевает барьеры.

Барьерный бег — один из самых сложных видов лёгкой атлетики, рассчитанный на исключительную точность. Говорят, что барьерист может пройти дистанцию с замиранными глазами.

Вспоминается один случай, происшедший на всесоюзных легкоатлетических соревнованиях в Харькове. Тогда рекордсменом страны в барьерном беге был И. Степанчиков. Участвуя в дистанции, он принял старт бега на 110 метров с барьерами. Степанчиков, честно сказать, был в тройни и четвёртый смы. Он сонялся в дистанции в тотчас же обратился к главному судье с просьбой проверить, правильно ли расставлены на дорожке барьеры. Выяснилось, что третий и четвёртый барьеры были сдвинуты вперёд на нескользко сантиметров...

Литвин много и усердно тренируется, шлифует технику, добиваясь полной автоматизации движений.

В двенадцать часов покидает стадион последняя группа занимающихся — студенты университета.

На баскетбольной площадке в это «вечернее время» появляются люди — любители. Из числов они достают деревянные удилища. Это спиннинг. Начинается тренировка на дальность заброса. Им приходится заниматься позже асах.

— Вы спрашиваете о наших планах на будущее? — говорит директор зимнего стадиона Андрей Андреевич Шкваренский. — Хотим оборудовать в здании манеж каток. И тогда у нас летом будут тренироваться конькобежцы и хоккеисты, а зимой — легкоатлеты и футболисты. Мы стремимся к тому, чтобы в зимний сезон возможно было больше молодежи — школьников, студентов, рабочих — могло заниматься одним из самых замечательных видов спорта — лёгкой атлетикой.

ПИСАТЕЛИ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Поведатель многих языков язык Российской не только общностью мест, где он господствует, но купю и собственным своим пространством и доводствием велик перед всеми в Европе...

М. В. Ломоносов.

Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания языка русского языка.

А. С. Пушкин.

...нет слова, которое было бы так заманчиво, бойко, как вырывалось бы из-под самого сердца, так как кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово.

Н. В. Гоголь.

Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками, в числе которых блестят опять-таки Пушкин! Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса!

И. С. Тургенев.

Каждый вновь появляющийся великий писатель открывает в своем родном языке новые средства для выражения новой сферы содержания. В этом отношении, благодаря Лермонтову, русский язык далеко подвинулся вперед после Пушкина, и таким образом он не перестает подаваться вперед до тех

пор, пока не перестанут на Руси являться великие писатели.

В. Г. Белинский.

Язык народа — лучший, никогда не удающийся и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни.

К. Д. Ушинский.

Берегись изысканного языка. Языки должны быть прост и изыскан.

А. П. Чехов.

Русский язык неисчерпаемо богат и все обогащается с быстрой поражающей.

М. Горький.

Верь в свой народ, создавший могучий русский язык, верь в его творческую силу.

М. Горький.

Язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, или скажем, «сырой» язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом, как надоено обрабатывать его.

М. Горький.

...я русский бы выучил
только за то,

что им
разговаривал Ленин.

В. Маяковский.

КРОССВОРД

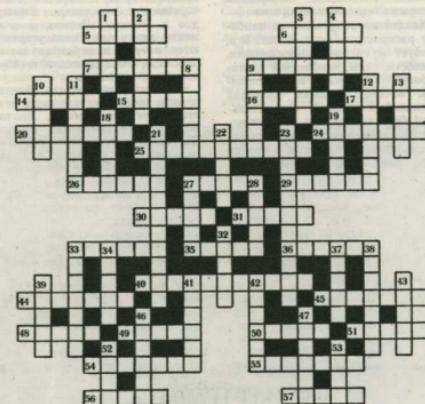
Составил Э. Горбенко.

По вертикали:

- Литературное произведение.
- Исполнительское явление. З. Человека, привыкшего отставать от остальных.
- Библионик на стальных плитах.
- Винсовое звание.
- Небольшой стороной от разницы в образовании писатель XIX века.
- Город в Ленинградской области.
- Восточный музейный магазин.
- Слово, имеющее значение русло.
- Часть самолета.
- Объединение, союз.
- Отражение нападения.
- Философское учение о присущности.
- Место действия в цирке.
- Смотр.
- Быстроходное судно.
- Доверенное лицо.
- Краснознаменный орден.
- Производственный, применяемый новые методы.
- Газ.
- Страна в Африке.
- Прибор для определения газа.
- Оптический прибор.
- Город в Румынии.
- Брестская крепость во Франции.
- Цитрусовое растение.

По горизонтали:

- Высокий.
- Речь в Поморье.
- Лесной.
- Западная часть Азовского моря.
- Создатель произведения.
- Создатель произведений.
- Ветер в пустыне.
- Воды и ордена Трудового Красного партии Германии.
- Пароход.
- Революционный класс.
- Богатство.
- Лето.
- Великий русский патрист.
- Русский художник-реалист.
- Страна в Азии.
- Стремительное нападение.
- Американский писатель.
- Демократическая система.
- Социальный учёный.
- На родно-демократическая республика.
- Крымский зимний сорт яблони.
- Советский учёный.
- Зарождение языкового единства.
- Быбринский представитель.
- Зарождение.
- Возник пристрастной революции XVII века в России.
- Часть шахмат.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 3

По горизонтали:

- Мозгиден.
- Народ.
- Мышц.
- Штуки.
- Утом.
- Нина.
- Балет.
- Нансен.
- Атоля.
- Роллан.
- Шор.
- Рант.
- Санд.
- Чичигов.
- Аксюма.
- Процесс.
- Чайковский.
- Дебардлер.
- Революция.
- Финики.
- Паром.
- Гром.
- Слон.
- Фланон.
- Дирко.
- Лимма.
- Алланайд.
- Альча.
- Люси.
- Борис.
- Баланс.
- Анис.
- Шашка.
- Баланс.
- Синий.
- Лимон.
- Марс.
- Портал.
- Мильон.
- Медиана.
- Слобода.
- Фронт.
- Нерпа.
- Плита.
- Ромео.

По вертикали:

- Матросян.
- Прозанс.
- Доброполов.
- Жонглер.
- Минор.
- Гулон.
- Катерин.
- Танец.
- Баланс.
- Анис.
- Шашка.
- Баланс.
- Синий.
- Лимон.
- Марс.
- Портал.
- Мильон.
- Медиана.
- Слобода.
- Фронт.
- Нерпа.
- Плита.
- Ромео.

Редакционная коллегия: В. Ажаев, Г. Гудин, Е. Долматовский, Н. Жуков, А. Космодемьянский, Г. Куклин, М. Луконин, Н. Смирдин.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-33-24. А-01537. Подписано в печать 13/III 1951 г. Знак № 272. Тираж 120 000. Изд. № 101.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СМЕНА

В номере:

Л. Малинов — Пётр Коробейников, электронщик.
Александр Жаров — От всей души.

П. Гарифлов — Это было под Касторной.

Дмитрий Дрекций — Портрет нового поколения.

Ранев — Прадкова — Страницы из дневника.

Тамара Никонова — Студенты.

Анатолий Ливин — Срочная работа.

Андрей Конусов — Живая вода.

Иван Рядченко — Верим, говорим!

В. Николаев — Дружба.

Хосхолландский Союз молодёжи.

Людмила Коробова — На чистом, ярком льду...

Г. Колесникова — Новая тема.

Владимир Котов — Стихи Ивана Франко.

А. Медведев — «Каменный Петроград» и птицы — один из добрых дней.

В. Регинин — Словесные изумруды.

Демьян Бедный — «Уральские сны».

П. Торомосов — Он обрёл родину.

А. Першина — Интернациональный вечер.

Советский люд — мир — мир — обмен — мир — мир — мир.

О. Аухти и Молодые художники Узбекистана.

Е. Егельев — Стадион под крышей.

А. Семёнов — Первый чемпион 1951 года.

В. Блинов — Четырнадцать из четырнадцати.

На обложке: «Игра в хоккей». Рисунок Р. Гершаника.

РАССВЕТ НАД МОСКОВОЙ

Стихи Мих. СВЕТЛОВА

Музыка Б. МОКРОУСОВА

Умеренно

Фп.

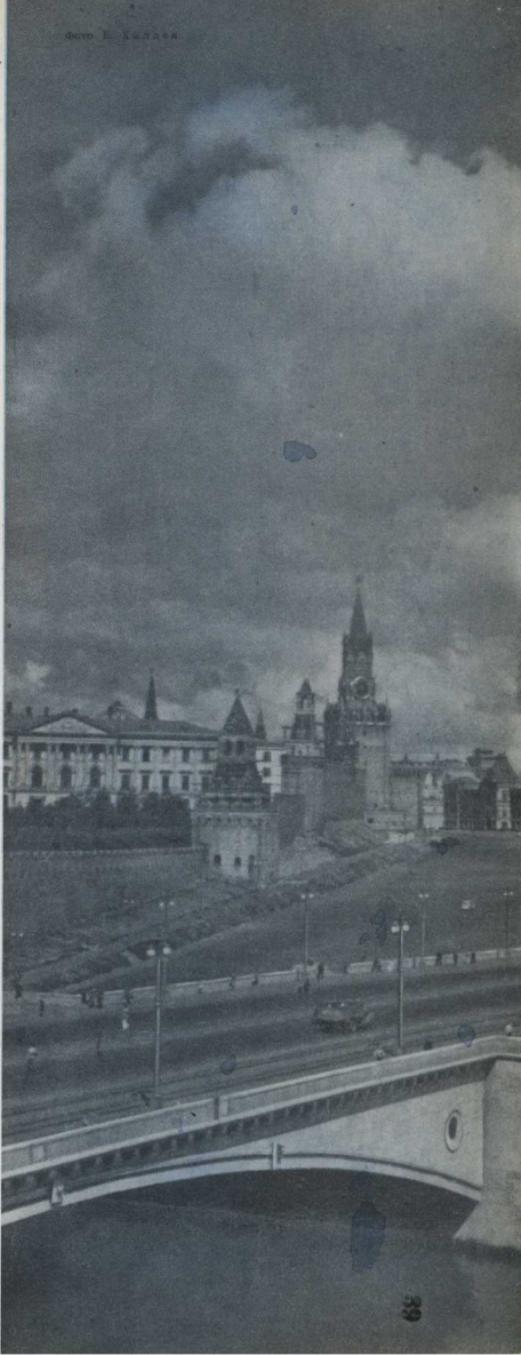
над Моск.вой го. лу. де. ет рас. свет.
и пой. дён за про. хо. жи. ми. вслед. В э. тот час го. лу. бой, по сто.
ли. же род. ной, ход. дит каж. дый москв. как по. эт. В э. тот час го. лу.
.бой, по сто. ли. же род. ной, ход. дит каж. дый москв. как по. эт. з. за. го.

Fine/ff

Над Москвой голубеет рассвет,
Мы пойдём за прохожими вслед.
В землю родную вернувшись
По столице родной
Ходят национальные москвичи, наан поэт. } 2 раза

Загораются в небе лучи,
Нашей песни слова горячи.
Это утро встаёт
Это юность идёт.
Это песни поют москвичи. } 2 раза

Ты прекрасен, наш город родной,
Солнце счастья плывёт над тобой.
Будем друг друга помнить,
Будем вечно друг друга.
Будем помнить рассвет над Москвой. } 2 раза

Цена номера 2 руб.

